

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

:i ṛṭṛṛṛṛ :

ПАЛАНТИР

: i ṛṛṛ ṛṭṛṛṛṛ ḶḶṛṭṭṭ Ḷṛṛṛṛṛṛ :

N° 26

июнь 2001

:: ṛḶṛ ṭṭṭ ṭṛṭṭṛṛ ṭṛṛṛṭṭ ṛṭṛṛṛṛ ṭṭṭṭṭ ::

Материалы Круглого Стола “Профессор Толкин и его наследие”:

- Екатерина Кинн.** Параллельные сюжеты в “Сильмариллионе” и “Властелине Колец” как отражение христианства и теории “северного мужества”.. . . . 3
- Михаил Андреевич Сиверцев.** Толкинизм как элемент неорелигиозности. 5
- Александра Баркова.** История и смысл культуры толкинизма. . 12
- Т.Шиппи.** “Дорога в Средьземелье” перевод М.Каменкович. 14
- Павел Федоров.** Письмо участникам диспута. 22

Palantir®

ПАЛАНТИР

№ 26 2001

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Тлорин Эйкинсьялди

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13
E-mail: eondil@mail.ru barding@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

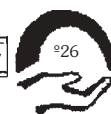
Наш сайт: <http://tolkien.by.ru>

Copyright©2001, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами.
Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

**Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.**

Екатерина Кинн
Параллельные сюжеты в “Сильмариллионе” и “Властелине Колец” как отражение христианства и теории “северного мужества”.

Мой доклад тесно перекликается с двумя предыдущими: я хочу говорить о параллельных сюжетах в “Сильмариллионе” и “Властелине Колец” и о том, какую составляющую в толкиновской мифологии они отражают, как она в них выражена. Прежде всего, очень часто встречаются работы и статьи как в русскоязычной толкинистике (уже наличествует такая), так и за рубежом, которые рассматривают только один аспект мифологии: либо доказывается, что это мифология христианская, христианизированная, либо рассматривается ее сходство с европейскими языческими мифологиями. Очень мало есть работ, которые рассматривали бы, как отражаются и переплетаются эти составляющие мифологии Толкина и, главное, в какой форме они выражены в произведениях Толкина. Единственная, пожалуй, такая статья, но очень популярная, рассчитанная на толкинистов — это статья Ирины Емельяновой, которая рассматривает формирование сюжета о Финроде и его смысл. Собственно, она рассматривает этот сюжет, его историю как момент перехода, сопряжения этики и модели поведения языческой, “северного мужества”, северного героизма и христианской. Это преодоление барьера между этими этиками. Наступает время действия от других этических законов, которые и оказываются путем к спасению. В самом первом варианте толкиновской мифологии присутствуют параллельные сюжеты, которые я хочу рассмотреть — это сюжеты о Турине и о Торе, но в нем нет, почему-то, истории Финрода — там вообще нет Норготронда, это место занимают какие-то предшественники, цельной ее нет. Эта история появляется в текстах, опубликованных в пятом томе *Lost Road*, где уже сформированы факты основной сюжетной линии “Сильмариллиона”. То есть, происходит героическая, совершенно саговая история Турина, параллельная ей сюжетно история Тора, который не является ни по образу действий, ни даже по сюжету, эпическим героем, но который вдруг оказывается спасителем и отцом спасителя (здесь “спаситель” говорю ни в каком случае не с большой буквы, не в сакральном смысле, а именно как сюжетная роль

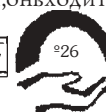

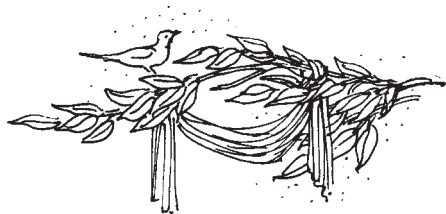
персонажа).

В первом варианте в “Книге забытых сказаний” Турин и Тор никак не связаны, это совершенно отдельные персонажи, которым приписана какая-то родословная, совершенно не согласованная. Общий ход событий с самой первой реализации этих текстов остается примерно таким же, меняются детали: по мере изменения, трансформации всего толкиновского мифа, обретения им цельности Турин и Тор вдруг оказываются двоюродными братьями и их история приобретает все большую параллельность. Если есть необходимость, то я рассмотрю эти сюжетные параллели подробнее. Они заключаются в следующем: во-первых, оба героя воспитываются у эльфов, оба героя отправляются на войну, оба героя переживают плен, спасение, оба получают проводника, который приводит героя в скрытый город, в эльфийское королевство, где он занимает определенное положение, у обоих героев присутствует любовь к эльфийской принцессе, в одном случае завершившаяся счастливо, в другом — наоборот, и вот с этого момента начинаются расхождения в историях: Тор следует данному совету Ульмо, божества, божественному совету, Турин этот совет отвергает.

В результате история Тора завершается спасением, история Турина завершается гибелью. Тексты о Турине, то есть и поэма, и самый первый вариант “Турин и Хуалока”, но в меньшей мере, и, главным образом, “Нарн и Хин Хурин” написаны именно в северной традиции: то есть либо это аллитеративная поэма, “Нарн и Хин Хурин” — это сага, совсем с иными характерными для саги приемами, речевыми штампами и описаниями героических действий. В истории Тора таких явных параллелей нет. Это довольно нейтральный текст, причем самая первая история, в которой героем был Тор — это падение Гондолина, но в ней основное место уделено не самому Тору и его истории, и даже не спасению, а именно падению Гондолина — и постиллю оно очень напоминает само разрушение дома Габерга и прочие ирландские разрушения, вплоть до фразы Тургона “Великое разрушение Гондолина”. Как не странно, историю Турина Толкин разрабатывал практически все время работы, так что очень много текстов, вариантов, более или менее законченных. История Тора в этом отношении уступает — есть первый вариант, падение Гондолина и тот текст, который вошел в “Сильмариллион”, и его более расширенный... распространенный вариант начала, который вошел в *Unfinished Tales* — это приход Тора в Гондолин. Почему такие различия и в реализации сюжета, и в стиле и в форме сюжета? Потому что Турин и Тор — это герои разных составляющих, разных мифологических потоков. Турин — северный герой, доминантой этого типа, как бы основным лейтмотивом, можно привести общеизвестную цитату из речей Высокого, что погибнут стада, родня умирает, и вечно только слава — из гробовничего нет, естественно, потому что это в чистом виде язычество. И главное: здесь нет надежды на высшие силы, нет никакой христианской веры в Бога, а есть надежда на себя, на свою удачу. Как сказал самый знаменитый исландский, оказавшийся *aut low*, оказавшийся вне закона Грейтер: “Одно дело доблесть, другое — удача”. Именно по этой формуле действует Турин. У него нет удачи, он проклят, вот, но проклятие это как-то очень странно действует. Он, действительно, во многом очень сходен с Грейцером. В тех ситуациях, когда Турин усужетно предлагает какое-то решение, он стоит на распутье, то есть: сносить мост перед воротами Нортготронда или не сносить мост, идти спасать Финдуиласили или поверить дракону и бежать в Дромин спасать мать и сестру — он выбирает тот вариант, который приводит к наименьшим последствиям. В сходной ситуации Тор выбирает другой вариант. Турин поступает как нормальный саговый герой: он мстит, он собирает отряд, он собирается вернуть себе власть и свои земли, он воюет. Тор ничего такого не делает.

В результате оказывается, что оба персонажа, один — герой, другой — негерой, но герой погибает и не спасает никого — он губит всех, кто находится рядом с ним, потому что он действует в рамках языческой мифологии, языческого образа действия, негерой — то есть персонаж, который действует вопреки этому стереотипу — становится спасителем, он входит

в христианскую составляющую мифологии Толкина — естественно, мир *э*тот до Христа, но это все уже там есть — и евангелизация этого сюжета — это то, о чем Толкин говорил в своей лекции о волшебных сказках, что в каждой сказке мы можем увидеть Евангелие. Таким образом реализуется эта дуалистичность мифологии и таким образом она переплетается.

Михаил Андреевич Сиверцев Толкинизм как элемент неорелигиозности.

Сегодня уже часто звучала религиозная тема прочтения того, что называется миром Толкина. Ситуация, по-моему, вполне созрела для того, чтобы задать некоторый провокативный вопрос и дать на него в течение пяти минут провокативный ответ, а именно: есть ли, с религиозной точки зрения, структурные предпосылки для возникновения толкинистской церкви, причем не как некоторого умозрения, а организации, со всеми присущими этому явлению особенностями?

На мой взгляд, существуют, по крайней мере, три черты, которые сегодня были обсуждены (по крайней мере, поставлены как предмет обсуждения), которые дают основания предполагать такую возможность. Я их сейчас назову, а потом остановлюсь на двух исторических примерах, которые можно рассматривать неким историческим экспериментом и аргументом в нашей дискуссии, просто как явление состоявшееся.

Итак, черты, на которые я хочу обратить ваше внимание, — это тема *священного текста*. Хотя эта тема была сформулирована как некая проблема, были приведены серьезные аргументы для того, чтобы считать возможным обсуждение этой темы и приведенные в характерной интонационной манере вопросы (что является каноническим текстом, что не каноническим; где начинаются и завершаются разнообразные прочтения этого текста, т.е. споры, которые можно видеть уже в давно состоявшихся и организованных религиозных институтах).

Второй признак (менее заметный, но очень важный, и бо сегодня он прозвучал в докладе коллеги) — это *возможность построения священной истории*. Итак, священный текст; плюс священная история, которая привязана к книге, и, скажем так, к транс — историческим реалиям, в частности, к Атлантиде. Многие религиозные системы и организации, включая существующие, включают в свою священную историю апелляцию к своей истории, как начинающейся в Атлантиде. (Я опускаю такую важную тему, как вид дискурса, с помощью которого эта тема эксплицируется, хотя это тоже было бы аргументом в пользу структурной возможности превращения, возникновения толкинистской церкви).

Наконец, третий признак, который тоже был достаточно отчетливо назван, это *наличие толкинистов, которые не читали Толкина*. Это невероятно важный структурный элемент для возникновения церкви. Очень значительное число людей, которые называют себя христианами, не знают христианства, но это не значит, что они не являются христианами, не значит, что христианская церковь не существует. И, наконец, в этом же структурном элементе, *постоянные вопрошания, кто же такой настоящий толкинист?* Примерно как вопрошания, кто является настоящим членом той или иной церкви.

Этот список можно увеличить, но я ограничусь им, чтобы вы почувствовали, что означают эти последовательные сочетания черт, делающих возможным превращение в церковь.

Теперь я останавлиюсь на двух исторических примерах, которые следует рассматривать как историю превращения литературно-философского кружка (может быть, с элементами визионерства) в серьёзную, официально признанную церковь. Один случай я приведу как то, что уже давно состоялось, испытывает разные расколы и ведёт богатую внутрицерковную жизнь, другой пример относится буквально к последним десятилетиям.

Первый пример — это сведенборгианская церковь, которая возникла во круг личности трудов Э. Сведенборга. Он почитался как великий учёный, и не рекомендовал возможным своим почитателям превращать себя в церковь. Но, тем не менее, его труды, размышления, штудии, размышления о библеистике, которые он рассматривал как комментаторские и маргинальные, для “христианских окраин” стали основой церкви, которая уже существует полтора столетия, испытывает постоянные расколы и ведёт внутрицерковную богатую темпераментную жизнь. Причем, там есть крыло мистическое, которое рассматривает Сведенборга (причем там тоже есть термин “Профессор”) как пророка, который равен по статусу Христу и Моисею. Я сам видел триптих, на котором в центре изображен Сведенборг, со одной стороны — Христос, с другой — Моисей (причем все это сделано в некой подвальной крипте, куда разрешается входить только достойным гражданам). Существует также версия чисто пресвитерианская, где Сведенборг рассматривается просто как один из учителей, который совершил обновление христианства.

Это один вариант, который я конспективно предложил вашему вниманию. Другой, в чем-то скандальный, но известный, как состоявшееся я не религиозное движение, — это все та же известная сайентология, которая начиналась как литературное предприятие, которое превратилось в зарегистрированную и успешно судящуюся в разных концах мира организацию. (В Америке они уже несколько лет как отсудили право называться религиозной организацией; недавно отсудили это право в Швеции).

Вот в континууме этих двух очень разных точек, со одной стороны — сведенборгианства (официальное название сведенборгианства несколько туманное: “Новая церковь”), с другой — сайентологии, исходя из этих аргументов структурного характера и исторического, я делаю в финале своих десяти минут провокативное, чисто исследовательское заявление о том, что по признакам, наличествующим уже в движении, и по историческим аналогиям, представление о том, что в ближайшие сто лет возникнет развитая, сильная толкианская церковь, мне представляется вполне обоснованным, по крайней мере, для нашей дискуссии.

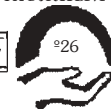
Вопросы:

Е. Кинн: Глядя на программу второй части, мы посоветовались и решили, что проще будет сделать дискуссию по последнему докладу. Дело в том, что все доклады посвящены Толкину и религии, толкинизму и религии. Был недавно очень интересный прецедент, диспут в Сети, когда некая такая группа... патриоты-православные... тоже назвали толкинистов религией, причем, антихристианской. Толкин, естественно, — это рассадник..., это ужасно, это с Запада... ну, дело было в том, что они тоже назвали религией.

Я хочу задать один вопрос: если мы говорим о религии, я хочу прежде всего услышать определение религии, которым Вы пользуетесь. Потому что структурно и у политической партии есть священный текст, у нее есть программа, есть толкование этой программы... Структурно мы любое общественное движение можем по этой штуке разложить.

Из зала: И разделите понятия “религия” и “церковь”.

К. Кинн: Религия и церковь — это очень сложный

вопрос... Я хочу определение религии, без этого мы не сможем обсуждать этот вопрос.

М. Сиверцев: Исторические организации, которые я приводил в качестве примера (и, возможно, толкинизм тоже воспользуется этим рецептом) пошли по очень простому сценарию: они сделали две версии своего движения, не занимаясь определением, и без явного определения, которое происходило последние двести лет, незавершилось конкретным определением. Вопрос “Что такое религия?”, скорее всего, решится не ранее, чем через тысячу лет, а конкретные организации складываются всегда здесь и сейчас, в конкретной истории. И вот ответ, который давалаведенборгианскаяцерковь: там есть вполне литературно-научная организация (которая не входит в проблемы религиозные, хотя и задаеттевопросы, которые Вы сейчас задали, но они носят такой характер дискуссионный) и религиозная организация (которая приобрела статус церкви, именно статус — я обращаю Ваше внимание на формальный аспект этого вопроса) То же самое мы видим в очень далекой и стойкой экспериментальной ситуации с церковью сайентологии: там есть две версии: духовно-терапевтическая (семинары литературно-психологического тренинга, которые то же делаются, превращаются в семинары, которые называют себя никак не относящимися к этому движению... называется это все дианетика) и есть Церковь Сайентологии (которая зарегистрирована как религиозная организация), хотя в тех структурах — американских, шведских или российских — где юридически осуществляется эта регистрация, то же не знают ответа на тот вопрос, который Вы задали: “Так почему же это все-таки религиозная организация?”

К. Кинн: Еще вопрос... Берется политическая партия — у нее есть священные тексты, у нее есть толкования этих текстов, у них есть священная история — история партии....

М. Сиверцев: Это вопрос или выступление?

К. Кинн: Я хочу ответ на конкретный вопрос. Вот. Имеется толпа членов партии, которые не читали программы, не знают тонкостей, но входят в партию... Это структурно оно совпадает с тем, что Вы описали. Является ли политическая партия религией?

К. Ярцева: Госпожа Екатерина, есть момент встречи со Священным.

М. Сиверцев: В Вашем вопросе, очень длинном и фундаментальном, который — как это часто бывает в таких ситуациях — является скрытым выступлением, было несколько неточностей. Во-первых, Вы сказали: партия и священные тексты. С Вашей точки зрения партийный текст наверняка — и это оправдано — является священным, но точки зрения членов партии этот текст является несвященным, а политическим.

К. Кинн: Я хочу, чтобы Вы провели границу между священным текстом и политическим. Текст, который создает мифологию, который определяет образ действия организации, образ действия структуры, является ли он священным? Где граница между этим священным и политическим? Где? Вот поэтому я хочу определение религии, хотя бы рабочее. Какие признаки позволяют — понимаете, не структурное подобие, а признаки — позволяют считать то или иное общественное движение религией? Является ли толкинизм религией? Является ли движение “зеленых” религией?...

Половина докладов посвящена толкинизму и религии, поэтому хотелось бы прежде услышать базовое определение религии, которым мы будем пользоваться. Если мы не определим, не сойдемся на базовых принципах, дискуссия теряет смысл, потому что я могу любого вот так, любое общественное движение, любой кружок эсперантистов — почему бы нет? Ведь у них есть своя идеология — назвать религией!

М. Сиверцев: Я просто прошу о снижении, ибо не обладаю таким темпераментом, как вопрошающий, и, скорее всего, мой ответ будет тавтологичен. Я, наверно, не очень ясно объяснил важность чистоты структурных уловок истории, потому что тот пафос, который мы сейчас видим неоднократно бывали теми организациями, о которых я говорю. Он связан, действительно, с тем, о чем Вы так вскользь сказали: а именно, что есть группы, которые

чисто на религиозных основаниях обвиняют толкинистов, и это вызывает определенное желание, чтобы это определение было дано и чтобы были все эти, скажем, печальные и негативные аспекты отведены. Должен Вам сказать, что то же самое было со сведенборгианцами (ладно, не будем трогать скандальную церковь, к более respectable вернусь). И ход, который дала история — не отвечая на этот вопрос, на который Вы в безыдеологическом контексте, к сожалению, ответа не получите — таков: вот уже 150 лет существует организация, бинарная конструкция, одна часть которой по своему формальному (несодержательному, как Вы меня призываете, а формальному) статусу — светская, другая — религиозная. Это и есть ответ истории. А тот ответ, который Вы сейчас слышите... Еще раз повторю: я понимаю мотивы, почему Вы ищете этот ответ и почему...

К. Кинн: Нет, я понимаю, что Вы понимаете мои мотивы...

Д. Рошин: Какую роль в этой новой религии, в которую, Вы считаете, может превратиться толкинизм, Вы отводите собственно Толкину и его книгам?

М. Сиверцев: Опять же я сошлюсь на состоявшийся эксперимент истории: роль Сведенборга в его церкви — это роль пророка, а его тексты рассматриваются как тексты, равнозначные Откровению.

Реплика из зала: Это зависит от того, чем...

М. Сиверцев: Я не случайно сказал, что Сведенборг возражал в явном смысле заповедал, чтобы его тексты и его личность не превратились в основание религии, но одно дело заповедать, а другое дело... — то замечательное явление, о котором сегодня говорилось: толкинизм без Толкина, без знания Толкина...

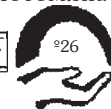
Д. Рошин: И вторая, собственно, просьба... Кинн, Ты просила определение — я знаю, что оно у тебя есть — Ты его дай....

К. Кинн: Да, я дам...

М. Сиверцев: Но, все-таки, я хочу ответить на вопрос по определению, потому что это моя обязанность. Такой достаточно окончательный ответ (хотя их существует бездна, и Вы это прекрасно знаете): *религия — восстановление связи с Богом, или с сакральной сферой (religio — “связываю”)*. Другое дело, что в течение многовековой истории из этого понятия существует множество толкований, и многие толкования переходят в рукопашную... 12 марта сего года Папа в Прощеное Воскресенье просил прощения за те особенности католической истории, которые вызывали, скажем так, печальные последствия у тех, кому очень жестко предлагали то или иное понимание религии в общем христианстве в частности. И, конечно, я не могу вставать в позицию, так сказать, просящего прощения Папы, но я могу встать в позицию просящего прощения религиоведа, который не будет делать вид, что он знает понятие религии и не будет порождать еще одну идеологическую конструкцию. Я, скорее, скажу, что реально этого определения нет и быть не может. Это соблазн. А реальная церковь возникает помимо определений. Я сегодня случайно говорил именно о церкви, а не о религии.

Из зала: И все-таки, какие характерные признаки, по-вашему, отличают религию от политической партии?

М. Сиверцев: Я сейчас постараюсь ответить. Господа, я понимаю актуальность ваших вопросов... тем более, что в истории много примеров, когда политическая партия становилась религией и в формальном смысле превращалась в церковь, и наоборот, религия либо становилась партией, либо порождала партию. Поэтому когда Вы задаете такой вопрос, то в Вашем вопрошании почти не содержится возможности для такого вот протеста: и религия, и партия. Но тем не менее я осмелюсь ответить на Ваш вопрос примерно так же, по той же риторической схеме, как я отвечал на вопрос, что такое религия: если я сделаю жесткую дистинкцию партии и религии, то я попадусь в ловушку навязанной идеологией навязанной дискуссии. Поэтому первое, что я сделаю — увы — это дезавуирую Ваш вопрос. Потому на

него отвечу. Дезавуировав его уже дезавуировал, теперь отвечу. Это зависит от структуры самосознания членов партии: если они поставили перед собой задачу превратиться в церковь (чтобы в истории) — они это сделают. Также как церковь, которая желает сделать дочернюю структуру в виде партии, безусловно это сделает и может делать... что мы видим вокруг себя.

Из зала: Религия — это организованное поклонение высшим силам. Как Вы думаете, от лица каких высших сил мог выступать пророк Джон Рональд Руэл Толкин?

М. Сиверцев: Спасибо. Опять же, я сошлюсь на эксперимент истории — сведенборгианская церковь раскололась именно по этому признаку. И поэтому я предвижу не только строительство толкинистской церкви, но и ее массовый раскол, прямо в самом начале. Одна возможная структурная версия этой церкви — это рассмотрение Толкина как пророка, который имел свое особое путешествие по транс — историческим мирам, из которых он извлек это свое... не просто видение, а, так сказать, дневник путешествия. У Сведенборга был дневник путешествия, и радикальная версия, которая сейчас здравствует в Филадельфии, считает, что он не просто пророк, указавший путь, но что и Вы — если Вы хороший член этой церкви — можете совершить такое же путешествие. Но нужно очень стараться. С другой стороны, не всегда члены этой церкви совершали в своей жизни такое путешествие. Это одна версия, поэтому я думаю, что здесь (если перевести эту конструкцию на ситуацию Толкином) может быть следующее. Первое: Толкин — особый пророк (цитирую сведенборгианскую церковь), по уровню и по статусу равный Христу и Моисею. Это, скорее всего, возможность, у которой будет не очень много приверженцев. Другая версия — это такая аккуратная, может быть, протестантская, может быть, католическая (учитывая, что нынче католицизм широко открывает двери для различных версий возрожденческих движений в себе)... Я вижу либо небольшую пресвитерианскую церковь, где Толкин имеет статус одного из учителей (например, как основоположник квакерства Фокс) либо, допустим, лет через двести-триста, открытие процедуры беатификации Толкина в рамках католической церкви. И, наконец, возможность, которой не было у Сведенборга, но которая, по-моему, есть у Толкина: стать основоположником неоязыческой — в хорошем смысле неоязыческой — религии, организованного культа. Типа сайентологов. Они же синтезируют различные неоязыческие темы в какое-то подобие связанного культа. Такая версия тоже возможна, учитывая, что тема, которая сегодня была заявлена в списках, тема “северного героизма” (мне это известно достаточно хорошо) присутствует и в сайентологии тоже. Эта тема неожиданным образом вплетается в совершенно новые религиозные эксперименты. Поэтому я вижу пространство для экспериментов и вариаций.

К. Ярцева: Господа, учитывая ситуацию, я передаю слово Екатерине Кинн.

К. Кинн: Можно, я сделаю так: нам очень редко удастся поймать хорошего знающего религиоведа...

М. Сиверцев: У меня вопрос: могу ли я рассчитывать на аккуратное жертвоприношение?

К. Кинн: Ради выяснения истины и серьезного разговора жертвую своим докладом.

К. Ярцева: Хорошо, тогда у нас есть 10 минут.

Некто: Счетчик пошел.

Вопрос из зала: Вопрос довольно короткий: в своем выступлении Вы, в частности, упомянули (по-моему, третьим пунктом) толкинистов, которые не читали Толкина. Я теоретически, конечно, могу предположить существование, например, христиан, которые не читали Библию и вполне могу предположить, к сожалению, существование мусульман, которые не читали Коран. Но, с моей точки зрения, эти вещи объединяет одно: это вещи

абсурдные.

М. Сиверцев: Мне приходилось встречаться лично с людьми, которые называли себя толкинистами, но поразным причинам, вполне понятным, книгу не могли прочитать. И вот этого их темперамент, темперамент людей, которые свидетельствуют не изменяясь. Кстати, это тоже очень важный элемент проторелигиозности, когда уже вот на данном уровне возникает жанр свидетельства. Вот, например, Наталья Леонидовна, я просто преклоняюсь перед Вами, но Ваше выступление было в какой-то степени и в жанре свидетельства.

Н.А. Трауберг: Только не отом!

М. Сиверцев: Нет, не отом, я говорю о структуре.

Н.А. Трауберг: Что делать, я не претендовала...

М. Сиверцев: Поэтому на вопрос я могу ответить чистов в рамках грубой эмпирической социологии: я видел таких людей и общался с ними.

Из зала: Понимаете, это профанация! Профанация! То же самое, что “новый русский”, уверовавший: “Я, типа, уверовал, мне бы крест побольше да гимнаста на нем!”... Наши толкинисты так себя и ведут, не читавшие.

К. Кинн: Маленькая поправка: делов том, что здесь возникла терминологическая путаница. Беда случилась на заре российского массового толкинизма в 90-м году. Тогда некий клуб ролевых игр увидел, что это классная книжка, и решил сделать ролевую игру. И вот с тех пор так повелось, что людей, занимающихся ролевыми играми (которым Толкина абсолютно безразличен, они этим не занимаются), называют толкинистами. Вот. И эта путаница очень распространена, и, боюсь, она будет продолжаться очень долгое время.

М. Сиверцев: Я приведу Вам пример, который известен в течение столетий: Вы же знаете, сколько людей было неграмотных принципиально, и не бывавших в храмах, но которые, вообще говоря, имели все духовные и какие угодно еще основания считать себя (и, действительно, были!) христианами, и, наверно, очень хорошими... поэтому вполне возможно, что есть в рамках вот этого движения люди, которые...

К. Кинн: Таки люди есть, но я говорю о другом. Есть люди, которые просто не толкинисты, ни разу не читавшие Толкина и не интересовавшиеся. Их называют толкинистами, потому что одновременно люди, играющие в ролевые игры, были толкинистами. Этимножества совпадали. Теперь этимножества разошлись, но название растеклось наоба. Вот я об этом говорю.

М. Сиверцев: Знаете, это тоже в истории религии достаточно известная ситуация, когда кого-то называют неким общим именем, которое стало уже идеологизировано. Понимаете, мы живем в век идеологии, поэтому если в какой-то конкретной ситуации толкинизм связался с ролевыми играми, то Вы потом уже расцепить это не сможете. Это будет тоже неким движением, которое может потом пройти процесс аккультурации в становящейся церкви, если она будет складываться...

Из зала: Вопрос на другую тему: “А боги кто?!” Я знаю общину валаропоклонников, которые приносят белых петухов в жертву Валарам, я знаю общину мелькоропоклонников, которые приносят черных петухов в жертву Мелькору. Все-таки боги кто будут в этой религии, которая вырастет на базисе толкинизма? Чтобы разобраться, когов жертву приносить...

М. Сиверцев: Предполагает ли Ваш вопрос мой ответ, или нет?

Из зала: Думаю, это риторический вопрос.

А. Куприянов: Как объяснить существование толкинистов, посещающих храмы и принадлежащих “нормальным” религиям (православию, католицизму и т.д.)?

М. Сиверцев: Во-первых, я хочу обратить наше с вами внимание на то, что мы живем в век религиозного плюрализма. Это достаточно необычное для истории религии явление, и одна из особенностей этого состояния — возможность для одного человека быть включенным в одну, две, а может и три религиозные деноминации (по крайней мере, таки примеры истории

известны). Это во-первых. Во-вторых — включенность... Но если возникает действительно формирование какого-нибудь радикальной, например, как мы уже обсуждали, радикально-христианской версии толкинизма, тогда... опять же, сошлюсь на историю сведенборгианской церкви: в какой-то момент отращивание христианской общественности к сведенборгианству снизилось, их стали признавать, а в последние годы в тех странах, где экуменизм является и государственной политикой, священнослужителей сведенборгианской церкви преобразуют в государственных священников в сущем сани. Я не хочу сказать, что это случится в ближайшем будущем, но если вдруг все будет развиваться по сценарию, о котором я сейчас говорю, то лет через 150 священник церкви толкинизма будет в сущем сани принят в какую-нибудь государственную церковь, если она образуется к тому времени.

А. Куприянов: Понимаете в чем дело: не существует же сейчас никаких строгих церквей с строгими рамками. Возможно, Толкин просто говорил о христианстве...

М. Сиверцев: Сведенборг тоже так думал о своих сочинениях, я ведь не случайно привел этот пример. Он считал, что его труды (как всегда, был период очередных нестроений внутри христианства), его толкование — это нечто иное, как способ сделать христианство приемлемым для сфигурированного научного философского ума. В результате получилось нечто иное, но он специально заповедал то, что Вы сейчас заповедуете всем толкинистам.

Из зала: Скажите пожалуйста, правильно ли я понимаю, что рабочим определением религии у Вас является: “Религия — это то, что через сто лет превратится в церковь”?

М. Сиверцев: Я удивлен такой реакцией. Ответ сейчас на Ваш вопрос.

Из зала: Толкинизм может через сто лет превратиться в церковь, но, с моей точки зрения, это не повод, чтобы называть (или не называть) его религией сейчас.

М. Сиверцев: Я постараюсь ответить на этот вопрос. Во-первых, по поводу определения, которое вызвало такую веселость. Я был достаточно осторожен, никаких определений не давали, более того, программно отрекся от жанра давания определения религии. Я вообще не давал определений. Но, тем не менее, Ваше определение любопытно. Т.к. существует определение: “Философы — это те, кто занимаются философией”, и “Философия — это то, чем занимаются философы”, я не отметаю такое определение тоже, но все-таки мы говорим о некоторой экспериментальной, смоделированной, ситуации. Мы с вами рассматриваем возможные варианты. В своем вступительном слове, я постарался быть предельно четким: серия структурных позиций и два конкретных примера, которые уже состоялись. Вот рамки моего рассуждения. А Ваш вопрос о том, что будет через сто лет и будет ли это основанием говорить сейчас о том, что будет через сто лет религией... Здесь, я думаю, тоже возможно несколько ответов. Чисто научный: конечно, можно, потому что мы занимаемся ситуацией тестовой, теоретической. Что же касается точки зрения гуманитарной, гуманистической, чисто исторической... — то уже при жизни Сведенборга были те, кто в нем видел религиозного деятеля и пророка. По-видимому, и сейчас существуют те, кто видит себя приведенными в христианство (или в еще какую-то религию) Толкином, и поэтому считают себя ему обязанными. Я хочу привести цитату из Льюиса, который сегодня уже упоминался (он говорил о различных внутрихристианских нестроениях): “Я видел, как выглядела религия со стороны” (имея в виду свое собственное атеистическое, неверующее прошлое). И в этом смысле религиозоведческая позиция позволяет увидеть проблему, о которой Вы говорите, со стороны, как потенциальную возможность, которая демонстрируется на конкретных примерах.

Александра Баркова
История и смысл культуры толкинизма

Тему моего доклада можно обозначить как "рассмотрение истории и смысла культуры толкинизма". Речь пойдет, в частности, о том, почему вся аудитория так ополчилась на предыдущий доклад (сделанный М. А. Сиверцевым). Едва ли я очень сильно ошибусь, если скажу, что суть произошедшего заключается вот в чем: в современном российском обществе церковью очень тесно смыкается государственными структурами, толкинистское же движение на протяжении всей своей истории стремилось абстрагироваться от них (идея ввести в каком-то бытии толкинистском клубеченские билеты противоречит сути российского толкинизма). Сама идея, высказанная господином религиоведом (Сиверцевым), попытка загнать толкинизм в прокрустово ложе, вызвала негативную реакцию этой, преимущественно толкинистской, аудитории.

Вот ношение вышесказанного, я настаиваю на своеобразие и российский толкинистского движения. Конечно же, среди русских толкинистов есть люди, признающие систему ценностей Толкина незыблемой, т. е. "валары есть благо, Илуватар есть благо, Мелькор есть зло". Однако подобно большинству. В общении уважаемой Натальи Леонидовны (см. доклад Л. Н. Трауберг) было сказано, что в те времена, когда русских толкинистов было только пятеро, сорок процентов из них "занимались прокламацией изековского бунта". Именно в этом заключается коренное отличие толкинизма, сложившегося на территории Советского Союза, от толкинизма, сложившегося в Америке. Иными словами, оспаривание системы ценностей Толкина в значительной степени является ядром русского толкинистского движения.

Это, разумеется, не означает тотального отвержения толкиновской системы ценностей: мы влюблены в Арагорна, особенно барышни, мы глубоко уважаем Фродо, но при этом, мы не прощаем валарам гибели Нуменора и многих других вещей. Я говорю сейчас о том, что представляется большая часть движения, конечно, вынуждена в значительной степени ступать краски. Однако то, что в англоязычной среде сложение подобной ситуации представляется мало возможным, доказательств не требует.

Давайте посмотрим, что из "классики" (я, правда, к сожалению, еще не видела двух последних вышедших книг), опубликованной толкинистской литературы мы имеем? "Кольцо Тьмы", "Черную Книгу Арды" и, наконец, "Последнего кольца носца". Анализ данных произведений сейчас не входит в мои намерения, но я обращаю ваше внимание на одну единственную вещь: все эти книги в той или степени несут черную направленность. Иными словами, я утверждаю, что мелькоризм является квинтэссенцией русского толкинизма. Это факт, который трудно отрицать: бунтарство заложено в основу русского толкинизма.

Произошло это в силу следующих обстоятельств: активное толкинистское движение (не то, что сейчас существует в Нескучном Саду, а его начало), сложилось в конце 80-х начале 90-х. Большинство толкинистов этого времени, так сказать, призыва, были комсомольцами в прошлом, а некоторые и коммунистами. Мне рассказывали историю о бодном толкинисте, который подвергся обработке на парт. собрании: ему пришлось доказывать, что он просто интересуется историей Средних веков и ничего дурного в нем нет...

Итак, русское толкинистское движение возникло на оппозиции советской идеологии, которая оказалась второй составляющей движения. Первой были книги Толкина. В свою очередь, оппозиционность государственным структурам стала причиной того, что многие члены движения не могут принять систему ценностей самого Толкина: потому что все мы помним "Айнулиндалэ", все мы помним расписание "заданных тем": Илуватар велели т.д.

Еще один момент заключается в том, что толкинистский возраст, возраст в котором человек увлекается книгами Толкина (конечно, возможны исключения) — это возраст подростковый и несколько старше, т.е. возраст, когда человеку свойственно увлекаться

Лермонтовым. Сейчас я не имею времени для текстуальных доказательств, но они у меня есть. В свое время я этим вопросом занималась: ко многим произведениям толкинистской литературы тянутся непосредственные ниточки : безусловно, невольно, безусловно, неосознанно, но тем не менее, мы имеем множество прямых сюжетных и идеологических заимствований из “Демона” и “Мцыри”.

Вопросы:

Из зала: То, что толкинизм имеет корни в бунтарстве, могу сказать на конкретном примере — с вами говорит бывший троцкист... Я хотела бы внести коррективы на счет темных хапокрифов, которые мы имеем... Я хочу спросить именно “Кольце Тьмы”. Конечно, существует множество темных циклов, но я не могу отнестись к ним “Кольцо”, фактически, там толкаются светлые идеи... Конечно, с одной стороны, там имеется некий бунт, а с другой...

А. Баркова: Тем не менее, там есть тема бунта против вала.

Н. Некрасова: У меня просто небольшая поправка на счет того, что это чисто российское явление. В Испании, в 98 г. я столкнулась с тем, что подобное имеет место, пусть даже в сравнительно небольшом количестве. Сейчас там у них сидит наш российский резидент, и они очень начали увлекаться ролевыми играми в нашем духе. Я думаю, что это расцветет, потому что в аспекте ролевых игр темная сторона более привлекательна, хотя бы потому, что всегда побеждает...

К. Кинн: Может быть деловом, что для английского языка цитаты из Библии Шекспира приемлемы без акцентов, а в современном русском это библиейский вклад очень отдален от повседневной речи... Поэтому мы, те, кто пришел в начале движения, просто не владели этой лексикой, так что “Сильмариллион” воспринимался в той парадигме, которая была дана нам в школе. Однако стоило начать читать на английском, как это ощущение исчезло.

А. Баркова: В одной из своих статей я этот пассаж назвала прямой перифразировкой из Бердяева — “Истоки и смысл русского толкинизма” — это к вопросу о менталитете. Т.е. речь идет о менталитете в целом.

Н. Филимонова: Прозвучало два, на мой взгляд, несколько отрицающих друг друга утверждения, о том, что толкинизм противоречит ценностям коммунистическим с одной стороны, и противопоставляет себя государству с другой.

А. Баркова: Противопоставление государству, безусловно. Но одно дело противопоставлять себя государству, а другое дело нести в себе революционный дух, дух бунтарства. Между прочим, работа Бердяева во многом посвящена именно зарождению русской революции; опять же, революционная тема противопоставляется государственной.

Н. Филимонова: Значит, толкинизм все-таки противостоит государству?

А. Баркова: Безусловно.

Из зала: Мне хотелось бы внести небольшую коррективу. Деловом, что я — представитель этой самой первой волны. Эта самая первая волна видела в толкинизме стимуляцию творчества, а противопоставление пришло потом, когда государство на нас наехало...

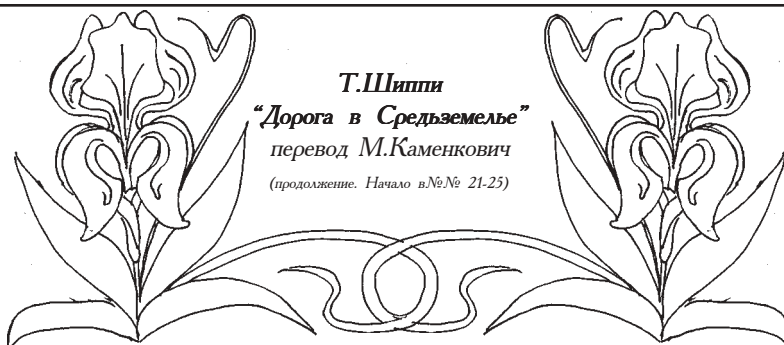
А. Баркова: Покажите мне течение, любое, которое неся в себе духовность быстро и сразу будет принято государством — я с интересом посмотрю... Я имела в виду другое — принципиальный выход из любых структур.

Из зала: Имеется в виду идеология как религия.

А. Баркова: Да.

* * *

Т.Шиппи
“Дорога в Средьземелье”
перевод М.Каменкович
(продолжение. Начало в №№ 21-23)

Аллегии, картошка, фантазии и волшебство.

Теперь мы можем под несколько другим углом взглянуть на те четыре маленьких прозаических произведения, которые Толкин написал в конце 30-х — начале 40-х гг., в тот период, когда работа над “Хоббитом” была окончена, а “Властелин Колец”, хотя и с перерывами, постепенно продвигался вперед — в те годы, когда он, если можно так выразиться, потерял охоту к дальнейшему развитию своих ученых трудов, и начал использовать научную работу в своих личных целях. Как видно из маленькой аллегории “Лист кисти Нигтля” (опубликована в 1945, написана в 1943г.), он и сам прекрасно это осознавал. Поскольку в поздние годы Толкин говорил, что ненавидит аллегорию от всего сердца, то, возможно, не лишним будет напомнить, что “Лист кисти Нигтля” — не что иное, как аллегория, и это можно доказать. Первые слова повести таковы: “Жил-был человек по имени Нигтль, которому предстояло отправиться в длинное путешествие”. Любому англо-саксонисту эти слова обязательно напомнят одно стихотворение, написанное на древне-нортумбрийском наречии и известное как “Предсмертная песнь Бэды”. Это стихотворение особенно выделяется среди прочих потому, что 1) написано именно на этом наречии и 2) это действительно подлинные предсмертные слова Бэды Достопочтенного(47), величайшего церковного деятеля Англии, который, между прочим, писал свои труды по-латыни(48).

Как очевидно, что Нигтль нуждался в ком-нибудь, кто сказал бы ему эти слова! Кроме того, эти строки дают нам добротное и проверенное основание для того, чтобы осуществить основную операцию аллегории, то есть приняться за составление уравнений. Путешествие — это смерть, художник Нигтль в дальнейшем — писатель Толкин. Это особенно хорошо заметно, когда Нигтль обвиняется в том, что “иногда он попросту бездельничал”; позже это обвинение смягчается до упрека в том, что он “рисовал листья лучше, чем деревья”, или в неспособности организовать свое время. Толкин был очень чувствителен к обвинениям в лени. Но при этом известно, что он был, во-первых, перфекционистом, а во-вторых, легко отвлекался от работы(49). “Лист” Нигтля — это “Хоббит”, “Дерево” — “Властелин Колец”, страна, которая скрывается за Деревом, — Средьземелье, “другие картины ..., пристроенные по бокам к большой” — стихи и другие произведения, которые Толкин продолжал упорно вставлять в большую прозу. Между тем сад, уходом за которым Нигтль так дерзко пренебрегает, зловеще напоминает профессиональные обязанности Толкина, а визитеры, которые пугают его посещением Инспектора, приводят на ум того неучитового коллегу Толкина, который даже после выхода “Властелина Колец” продолжал самым невежливым образом фыркать: “Ему следовало потратить это время на чтение лекций!”(50) Эти уравнения можно выписывать и дальше, более того, от нас этого ждут; Толкин полагал, что аллегория должна быть непременно “точной”, то есть, что все ее части должны плотно прилегать друг к другу. В аллегории читатель ценит именно детальную точность, поскольку главное удовольствие он получает, именно разгадывая, что чему соответствует. Поэтому не лишним будет обратить внимание на то, где именно держит свою картину Нигтль: в этом зашифрована особая шутка. Картина Нигтля стоит в высоком сарае, который он

построил у себя в саду специально для нее, на клочке земли, где раньше выращивал картошку. И так, ради живописи Нитгль пожертвовал грядками с картошкой. Чем же пожертвовал Толкин ради “Властелина Колец”? Истинный ответ таков: он пожертвовал статьями типа тех, которые написал по поводу “*Angene Wisse*” и “*Sigelware*”. После 1940г., в котором ему исполнилось всего сорок восемь, Толкин написал только пять статей, две из которых были созданы в соавторстве, а две других не вполне академичны по стилю. Однако Толкин никогда не опускался до того, чтобы с презрением относиться к преимуществам учености. Именно благодарность, которую высказывает Нитгль в адрес “превосходного картофеля” господина Пэриша, окончательно убеждает Первый Голос перевести Нитгля из “Работного Дома” (читай: “Чистилища”) на следующий уровень. Можно сказать, что вся повесть — это одновременно самообвинение и самооправдание, и что разрешение этого конфликта “на Небесах” дано в образах Нитгля и Пэриша, которые представляют, соответственно, творческую и практическую стороны личности самого автора, показанные в процессе приспособления друг к другу, хотя, заметьте, трудятся они, — и места для других толкований не оставлено, — именно над усовершенствованием дерева Нитгля и страны Нитгля, а отнюдь не над вскапыванием картофельных грядок Пэриша.

В конце 30-х гг. Толкин уже практически отказался от *cursus honorum**, и знал об этом. Как оправдывал он это перед самим собой, находил ли в себе достаточно сил примирить требования “картофельных грядок” и “Деревьев” (то есть учености и фантазии)? Эти вопросы маячат, часто незаметно, на заднем плане трех критических статей, написанных почти одновременно с “Листом кисти Нитгля” — “Беовульф: Чудовища и критики” (в дальнейшем “ЧК”, опубликована в 1936г.), “О волшебных сказках” (в дальнейшем ОВС, первый вариант относится к 1929г.), и предисловия (в дальнейшем “Пред.”) к изданию “Беовульфа” в переводе Кларка Холла с исправлениями К.Л.Ренна (1940г.). Ни одна из этих работ не отличается избытком филологии в узком смысле этого слова, то есть в них не идет речи ни о звукоизменениях, ни о глагольных парадигмах. Поэтому комментаторы Толкина, у которых не было желания копаться в подобных вещах, всегда набрасывались на эти статьи с благодарностью. Тем не менее, основой этих статей все равно остается филология; они ведут вперед, в мир “фантазии”, но всегда с оглядкой назад — на строгую ученость, неизменно основываясь на интенсивном и строгом изучении “слова”.

Начнем с последней статьи. Толкиновское предисловие к переводу Кларка Холла защищает одну главную мысль — а именно: слова означают больше, чем одноименные словарные заголовки. Что вы увидите если заглянете в стандартный словарь древнеанглийского языка Дж. Босуорта и Т.Н.Толлера и найдете там статью “*Sigelware*”? Вы прочтете, что это эфиопы, вот и все. А как насчет слова *eacen*, которое встречается в “Беовульфе”? Словарь толкует его так: “возвеличившийся, большой, обширный, властный”. Но “для того, кто интересуется древними верованиями”, пишет Толкин, правильно только первое значение, поскольку *eacen* означает не “большой”, но именно “увеличившийся”, указывая на сверхъестественную прибыль силы. Что касается рун, Босуорт и Толлер перевели фразу из Беовульфа “*onband beadurune*” как “раскрыть военный секрет” (что не имеет никакого смысла), а Кларк Холл попробовал перевести это как “выпустить на волю тайные мысли о раздорах”. “На самом деле это выражение означает “разгадать боевую руну”, — утверждает Толкин. — Что именно имелось в виду, до конца не ясно. Это выражение окружено ореолом древности. Такое впечатление, что оно пришло к нашему поэту из какого-то другого времени. Можно предположить, что речь идет о заклинаниях, с помощью которых люди, сведущие в колдовстве, могли вызывать бури при ясном небе” (сс.хii-xiv). Тени Босуорта и Толлера имели бы право возразить Толкину: “Это бездоказательно!” Тогда Толкин мог бы парировать: если факты ведут нас в область фантазии, — что ж, будем иметь дело с фантазией! В более широком смысле “Предисловие” — это протест против перевода Беовульфа всего лишь на вежливый современный английский, мольба о том, чтобы внимательнее отнестись к тому мировоззрению, которое заключено в “Беовульфе” и выражено не в сюжете, а в отдельных словах — таких, как *floesc-homa*, *banhus*, *hreder-locas*, *ellor-sið* (“одевание плоти”, “костяной дом”, “темница сердца”, “путешествие куда-то в иное место”). Поэт, который использовал эти слова, писал Толкин, видел мир не так, как мы. Для него

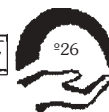

“храбрецы древности шагали под куполом неба, покрывающим землю-остров (*middangeard*), окруженную безбрежными морями (*garsecg*) и внешней тьмою, и с суровым мужеством претерпевали краткие дни жизни (*loene lif*), ожидая, пока пробьет час судьбы (*metodsceaf*), когда погибнут все вещи, *leoht ond lif samod* (свет и жизнь вместе) (с.ххvii). Он “нигде не говорит об этом ясно и определенно”. Тем не менее, настаивает Толкин, этот взгляд на мир в “Беовульфе” присутствует. Если обращать внимание на слова, вам не потребуются словарики мифологических верований древних англичан; как названия мест, римские дороги или готские гласные, слова и сами по себе несут в себе вполне достаточно информации.

Это отстаивание “реальности языка” слышится в каждой строчке прочитанной Толкиным в 1936г. лекции для Британской Академии(51). Здесь, однако, эта мысль переплетается с верой в “реальность истории” — верой довольно оригинальной, о которой Толкин, похоже, не хотел говорить прямо. Основная тема лекции развивается так энергично, что впоследствии это причинило немало хлопот изрядному количеству позднейших специалистов по “Беовульфу”, которые пытались ее парафразировать. Лекция изобилует “боковыми дверцами” и юмористическими образами, например, “вавилонское столпотворение конфликтующих голосов” или “Бармаглоты древнеисторических исследований”; это уже что-то вроде “драконьей глуши и хитрости обезьян”! Однако самым важным для этой статьи является просвечивающая сквозь ее текст убежденность ее автора в том, что ему известно, когда и при каких обстоятельствах была написана поэма, хотя открыто Толкин никогда о своих догадках не говорил и доказать ничего не пытался. “В определенный момент (курсив Толкина, с.262), — говорит он, — имело место некоторое смешение понятий, которое нашло отражение в поэме”. Поскольку не существует никаких неоспоримых данных о том, где и когда была сочинена “Беовульф” (это могло произойти в любом месте от Тайна до Северна(52) от 650 до 1000г. по Р.Х.), встает вопрос, что же имел в виду Толкин? Однако что-то похожее на ответ мы можем получить только, опять-таки, через посредство толкиновской аллегории: это — маленькая притча о человеке и о построенной им башне(с.248-249). Звучит она так:

“Человек унаследовал поле, на котором в беспорядке валялось множество старых камней, оставшихся от разрушенного дома - а может быть, замка. Часть камней уже была пущена в дело - их использовали для постройки того самого дома, в котором этот человек жил и который стоял неподалеку от дома его отцов. Человек взял часть разбросанных по полю камней и построил из них башню. Но пришли друзья и, даже не дав себе труда взобраться по ступенькам, сразу заметили, что камни, из которых построена башня, когда-то входили в состав другого здания. Под этим предлогом, немало потрудившись, они снесли башню, - ведь иначе нельзя было разглядеть скрытую от глаз резьбу и надписи. А может, они просто хотели узнать, где предки того человека раздобывали строительный материал? Некоторые же заподозрили, что под фундаментом залегают пласты угля и начали копать вглубь, вообще забыв про камни. Все они в один голос твердили: “Очень любопытная башня”. А когда от нее ничего не осталось, они сказали: “не башня, а какая-то неразбериха!” Даже потомки этого человека, от которых он вправе был бы ждать понимания, иногда поговаривали: “Он был такой чудак! Представьте себе - взять и построить из древних камней какую-то бессмысленную башню! Почему бы ему было не восстановить старый дом? Право слово, у него было никакого чувства гармонии!” А с вершины башни тот человек мог видеть море...”

Как и в случае с “Листом кисти Нитля”, все в этой истории можно прояснить с помощью уравнений. “Некий человек” - это автор “Беовульфа”, “друзья”, которые ищут на камнях старинную резьбу — ученые, специалисты по “Беовульфу”, пытающиеся восстановить ход истории. “Башня” с видом на море — сама поэма “Беовульф”, далекая от учености и ориентированная на чистую поэзию. Несколько сложнее составить уравнения для “сбора старых камней”, “старого дворца”, “старого дома предков” и “дома, в котором он, собственно говоря, жил”. Можно сделать вывод, что, по мнению Толкина, “Беовульфу” предшествовали другие поэмы, языческие, однако созданные во времена, когда языческое прошлое было

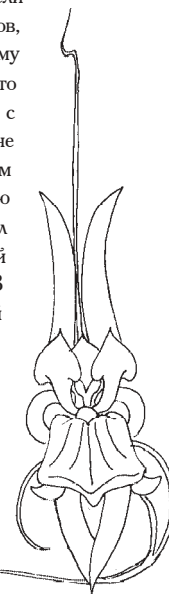

уже отвергнуто. Это и есть “старый дворец”. Обрывки этих поэм были у автора “Беовульфа” под рукой — то есть, поэтические формулировки и заблудившиеся языческие мифологемы типа *Sigelware* были вполне ему доступны. Присваивание их — это и есть “собираание старых камней”. Некоторые из этих “камней” были использованы даже в поэмах на библейскую тему — таких, например, как “Исход”, где, кстати, встречаются и *Sigelware*. Эти поэмы были частью новой цивилизации, которая процветала в христианской Нортумбрии (Мерсии)(53): эта цивилизация и есть “дом, в котором человек, собственно говоря, жил”. Но тем не менее поэт использовал и отвергнутые обломки — они вполнегодились ему для постройки “башни”, или поэмы, а “отвергнутые обломки” — это прежде всего чудовища: дракон, “огры” (“*eotenas*”)(54), “эльфы” (“*ylfe*”) и “великаны”. Когда-то давно эти слова были распространены повсеместно, однако в древнеанглийской литературе, помимо “Беовульфа”, или вовсе не использовались, или использовались очень редко.

Главное в том, что никто, кроме Толкина — ни друзья, ни потомки, ни даже, возможно, современники — так и не поняли “Беовульфа”. Поэма изначально носит несколько личный, даже, пожалуй, эксцентричный оттенок, и, чтобы понять ее как следует, нужен человек, устроенный так же, как ее автор. Симпатия между Толкином и автором “Беовульфа” основывалась еще и на том, что Толкин действительно мог считаться его “потомком” — он жил в той же самой стране, под тем же небом, говорил на том же языке, то есть, был для этого языка и этой страны “своим”. Сочинение притч — способ изъясняться, далекий от строгой научной терминологии, но это еще не превращает мнение Толкина в ошибочное. Наоборот, выбор именно такого стиля доказывает, что Толкин не просто ощущал непрерывность традиции между собой и автором “Беовульфа” — он чувствовал буквальную идентичность и в побудительных мотивах, и в поэтической технике**. Эта родственность двух авторов нигде не чувствуется так сильно, как в вопросе о “чудовищах и критиках”: последние — Толкин полагал, что доказал это и для себя и для автора “Беовульфа” — обоим глубоко антипатичны, а первые у обоих вызывают повышенный интерес. Но что означал, скажем, дракон для автора “Беовульфа”? Толкин пытается доказать, что древнему автору драконы не должны были казаться столь уж далекими от той грани, которая разделяет фантазию и действительность, ну, а языческие предки поэта, разумеется, скорее всего думали о драконах как о существах, с которыми в один прекрасный день запросто можно столкнуться лицом к лицу. Но ясно и то, что для автора “Беовульфа” драконы еще не успели полностью превратиться в аллеорию, как превратились впоследствии для его наследников, которые видели в драконе то Левиафана, то дьявола, то “древнего змия” и тому подобное. Однако и для автора “Беовульфа” дракон уже не мог оставаться просто существом из плоти и крови. Поэту поистине феноменально повезло: ему удалось с удивительной свободой пробалансировать по острой грани клинка точно посередине между “драконом-как-просто-зверем” и “драконом-как-аллегорией”, между языческим и христианским миром, удержаться на булавочном острие, совмещая литературную условность с допущением реальности мифа. Нетрудно увидеть, почему Толкин настаивал на том, что “Беовульф” мог быть создан только в какой-то точно определенный момент времени, когда единственно и могло разгореться воображение автора. В другом месте он называет этот момент “определенной исторической точкой, в которой имело место некоторое смешение понятий”, “мгновением перед броском”, и “точкой, которая беременна движением”. Точным знанием времени написания поэмы Толкин был обязан тому, что он знал, к какому литературному жанру ее отнести, и это был тот самый жанр, который требовался ему самому, для его собственного творчества! Однако ситуация, царившая в современном Толкину литературном мире, делала для него путь к достижению цели гораздо труднее, чем для его могучего предшественника, родственного ему по духу.

“Дракон — отнюдь не праздная фантазия, — писал Толкин. — Каким бы ни было его происхождение, реален он или является плодом выдумки,

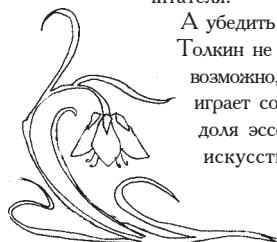

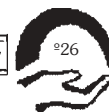
дракон легенды есть могущественное творение человеческого воображения, более богатое смыслом, чем его кладовые сокровищами. Даже сегодня, несмотря на все усилия критиков, можно встретить людей, которые все еще не могут освободиться от чар этого древнего ящера” (с.257-258). Это последнее утверждение справедливо в основном по отношению к самому Толкину, чье стихотворение “*Imopna Gold Galdre Bewunden*” (1923г.)⁽⁵⁵⁾ посвящено теме драконьего сокровища и, что само собой очевидно, навеяно именно “Беовульфом”. Утверждение, что дракон богаче смыслом, чем сокровищами, без сомнения, справедливо, но напоминает скорее обращенную в пространство безадресную мольбу: Толкин не хотел, чтобы драконы были только символами, он хотел, чтобы одной лапой они по-прежнему опирались на “факт”, а другой — пожалуйста, можно и на “выдумку”. Что называл Толкин “праздными фантазиями”? Я лично думаю, что он был очень уж привычен к дотошному вниканию в древние тексты и извлечению из них неожиданных, но хорошо доказанных выводов в области истории языка и древних верований. Занимаясь этим, он выработал в себе особый нюх на примечательные слова и научился с поразительной чуткостью определять ценность каждого слова в отдельности. Этот инстинкт позволял ему с уверенностью постулировать существование слов, которые нигде не были зафиксированы, — таких, например, как *easel*, *beadurun*, *hearwa* или *eored*. Если слово “истинно”, это означает, что за ним кроется подлинный осколок более древней цивилизации, но при этом древнее значение слова не вступает в конфликт с современным. Интуиция в полный голос твердила Толкину, что именно такова ситуация с драконами, которые так часто упоминаются в северных легендах и которые, глубоко угнездившись в древних преданиях, оставили след во всех родственных друг другу европейских языках — от Италии до Исландии. Неужели все это можно так просто списать со счетов? Толкин вынужден был ответить, что нет, конечно, никак нельзя. Он хорошо понимал, что “живущие ныне разумные люди” с ним не согласятся, но это вряд ли могло остановить его. В конце концов, что знали эти “разумные люди” даже о бабочках, не говоря уже о драконах?! И все же, несмотря на то, что драконы, Бадроги, шайры и *сильмарилы* постепенно, не теряя связей с исходными филологическими фактами, превращались у него в голове в литературные образы, на этом этапе Толкин еще не разработал теории, которая успешно соединяла бы эти два плана между собой. Впрочем, можно сказать, что ему так до конца жизни и не удалось как следует ее разработать.

Три года спустя он предпринял решительную попытку сделать это в эссе “О волшебных сказках”. Тем не менее, это эссе представляет собой самый неудачный образец толкиновской публицистики, несмотря на то, что о нем спорят гораздо больше, чем о других статьях Толкина. Почти наверняка главная причина его сравнительной неудачности — отсутствие в нем филологического ядра: в этом эссе Толкин обратился — сперва устно, а впоследствии и письменно — к аудитории, состоящей из неспециалистов. Многие в тексте эссе свидетельствуют о том, что он пытался приспособиться к своим слушателям (а впоследствии читателям). Раз за разом проигрывает он один и тот же прием — пишет о феях и эльфах так, как если бы они существовали на самом деле: люди, дескать, рассказывают сказки про эльфов и фей, а эльфы и феи — про людей; дескать, согласно обильным свидетельствам, феи нередко разыгрывают для людей представления, и так далее. Эта игра заходит так далеко, что автор рискует выставить себя в смешном виде, объявив истинной нечто неистинное. Тогда ему останется только принять вид

юмористической невинности. Однако невозможно отделаться от ощущения, что Толкин, прячась за этой маской, мстительно “подкалывает” целый ряд современных ему расхожих идей, которые ему почему-либо не нравятся (например, что феи и эльфы — это совсем крохотные существа, что фей любят только дети, что бог Тор — это “природный миф”⁽⁵⁶⁾, и т.д. и т.п.). Однако за всем этим все-таки возможно, хотя и с трудом, разглядеть каркас логической аргументации, или, скорее, авторских попыток в чем-то убедить читателя.

А убедить он его пытается в том, что фантастические сказки не вполне вымышлены. Толкин не был готов заявить об этом открыто, тем более перед лицом скептиков. А, возможно, и самому себе он не признавался в этом до конца. Вот почему он постоянно играет со словами типа “выдумка” или “праздная фантазия”, вот почему изрядная доля эссе “О волшебных сказках” — это апелляция к могуществу литературного искусства, которое Толкин возвеличивает, наделяя его титулом “Малого Творения”⁽⁵⁷⁾. Именно силе литературного искусства приписывает Толкин неослабевающее очарование “Волшебных сказок” братьев Гримм,

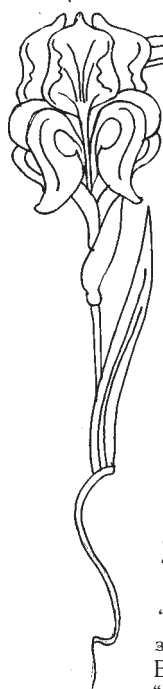

успех “Макбета” (частично) и само существование жанра “фэнтэзи” как формы искусства. Однако над гладью этих рациональных мыслей о литературе то и дело высовывают голову другие, гораздо более интересные утверждения. После долгого и нудного ворчания о неадекватности ОСА и стихов С.Т.Кольриджа(58) Толкин заявляет, что под “фэнтэзи” он понимает прежде всего “искусство творения вторичных миров как таковое и необычайность, чудесность, перешедшие в воплощение образа непосредственно из самого Образа”. Последнее замечание имеет критический характер, так как в нем подразумевается, что “Образ существовал прежде, чем кто-либо дал ему какое бы то ни было воплощение”. Тот же самый намек сквозит в автобиографическом заявлении (*a propos* о драконах), что “фантазия, создающая или позволяющая увидеть другие миры, была для меня самой сутью стремления к Волшебной Стране”. Сотворение драконов — это искусство; наблюдение за ними и заглядывание в миры, откуда они явились — дело несколько иное. Толкин не хотел, чтобы “фэнтэзи” ограничивалась или только рациональной, или только мистической стороной; он постоянно намекает на то, что в подлинной “фэнтэзи” есть и то, и другое. Особенно настойчиво, на протяжении всего эссе, указывает он на эту двойственность “фэнтэзи” в связи с образом эльфов. Толкин настаивает, что: 1) эльфы могут быть “плодом человеческого вымысла”, как почти все и думают, 2) могут быть частью реальности — то есть, существуют независимо от того, что мы про них думаем и рассказываем; 3) их значение, даже если они только “плод человеческого вымысла”, в том, что они сами — творцы, превосходные фокусники, способные заманить человека, сбить с дороги, зачаровать своей красотой и заманить в “эльфийские полые холмы”, из которых путник выйдет только много столетий спустя, сбитый с толку, не заметив хода времени. Эльфы формируют образ — истинный образ — “эльфийского искусства”, то есть самой “фэнтэзи”: это истории об эльфах, фантазии о независимых фантастах, сочиненные людьми. Чувствуется, что Толкин ходит вокруг да около, кружит, как ястреб, над какой-то невидимой нам точкой, не решаясь или не находя в себе сил приземлиться. Этой воображаемой точкой легко пренебречь, если счесть ее просто за читательскую иллюзию. Вот где мы снова встречаемся с упоминавшейся выше “ползучестью серой дороги”, тем самым качеством, которое в стихотворении “Поступь Гоблинов”, с одной точки зрения, совершенно субъективно проецируется автором на нечто в высшей степени обыденное, а с другой точки зрения, проистекает из чего-то вполне реального и рационального, чего-то, что Толкин, возможно, видел лучше, нежели большинство людей. Мне представляется, что этот “подлинный центр” ОВС имеет филологическую природу, но с помощью обычных литературоведческих терминов Толкин выразить этого не мог. Ближе всего подошел он к этой центральной точке, когда позволил себе слегка затронуть отдельные слова, в особенности “*spell*” и “*evangelium*”. Эти два слова исторически взаимосвязаны, так как древнеанглийский перевод древнегреческого слова “*evangelion*” — “благая весть” звучал как “*god spell*” — “хорошая история”, на современном английском — “*Gospel*”. При этом слово “*spell*” продолжало означать — “повесть, рассказ в формальном стиле (в отличие от устного)”, а со временем приобрело еще одно значение — “сильное слово”, или “магическое заклинание”. В этом слове воплощено многое из того, что имел в виду Толкин под “фэнтэзи”: это слово обозначает нечто, наделенное не вполне обычным могуществом (магическое заклинание, литературное произведение (“повесть, рассказ”), нечто, обладающее существенной истинностью (“*Gospel*”, Евангелие)). В конце эссе Толкин замечает, что Евангелие говорит “в высшей степени убедительным языком Первичного Искусства, или истины”. Толкин был бы рад сказать то же самое и об историях про эльфов с драконами, однако надежды найти этому доказательство у него не было.

Существует, однако, более удачное слово, похороненное среди толкиновских примечаний; я могу предположить только, что Толкин решил не обсуждать его как чересчур сложное для нефилологической статьи, но было бы лучше, если бы он его все же как-то отметил. Это слово -- “*glamour*” (адекватного русского перевода не существует. Ближайшие эквиваленты: “слава”, “блеск славы”, “чара”, “очарование”, “волшебство”. — М.К., В.К.). А возможно, Толкину были просто неприятны те семантические яды, которыми отравили это слово его современники, и он не захотел его обсуждать именно из-за этого. Сегодня, в современной английской разговорной речи, оно означает прежде всего женскую сексуальную привлекательность или, если говорить точнее, женскую сексуальную привлекательность, рассматриваемую с изрядного расстояния. Сегодня это — рекламное слово из арсенала шоу-бизнеса, фальшивое и пустое, входящее в такие мерзкие сложносочетания, как “*glamour-girl*”, “*glamour-puss*”, и даже “*glamour-pants*” (то есть, в сочетании со словами “девочка”, “кошечка” и даже “трусики”). Дополнение к ОСА, вышедшее в 1972г., уступает этому языковому факту и вдобавок закрепляет такие неологизмы, как глагол “*glamourise*”,

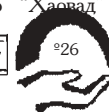
причастие прошедшего времени “glammed up” и даже “glam” (сокращение, основа с отрезанным суффиксом). Это последнее Толкин должен был ненавидеть особенно яро, поскольку его появление показывает, что

старое слово “glam”, “glaum”, в диалектах и в “Сэре Гавейне” означавшее “веселье, радость”, настолько омертвело, что уже не может соперничать с этим неологизмом. Но и основной том ОСА на букву “G”, вышедший в 1897г., тоже рассказывает нам историю не слишком утешительную. Здесь утверждается, что “glamour” — это искусственное слово, “введенное в литературный язык сэром Вальтером Скоттом”, и означает “магия, чара, заклинание, колдовство”, особенно во фразе “to cast the glamour over one” — “навести чару на кого-либо”; другое значение — “магическая, ненастоящая красота... обманчивая, притягательная красота”, откуда уже один шаг до всей колоды значений современных. Толкин должен был гораздо лучше относиться к собственно цитате из Скотта, которая звучит так: “Эта разновидность ведьмовства известна в Шотландии как “glamour” или “deceptio visus”^{***}, и считалась раньше особым искусством, присущим племени цыган”. Вальтер Скотт, в отличие от ОСА, знал, что это явление, или “искусство”, играет очень важную роль в “Младшей Эдде” Снорри Стурлусона. “Младшая Эдда” начинается с главы “Gyefaginning”, или “Видение Гюльви”(59), где рассказана в высшей степени выдающаяся и занимательная история о том, как Тор был введен в заблуждение с помощью “sjonverfing” — “отвода глаз”, то есть “deceptio visus”, или “glamour”. Таким образом, явление, обозначаемое словом “glamour”, было хорошо представлено в скандинавской традиции.

По своему происхождению это слово, по-видимому, является искажением слова “грамматика” и параллельно по смыслу слову “gramarye”; согласно ОСА, это “окультиные знания, магия, некромантия”, а “в литературный язык его вернул сэр Вальтер Скотт”. В Кембриджском университете много столетий сохранялась должность, называемая “master glomerye”. Обязанностью человека, занимавшего эту должность, было обучение студентов латыни. Толкина, наверное, забавлял возникающий перед внутренним взором образ официального университетского лица, то дающего уроки языка (что делал и Толкин), то преподающего волшебство и заклинания (от чего Толкин тоже не отказался бы). Толкин пишет о священнике из “Фермера Джайлса” (критики недооценили этот персонаж, а между тем он совмещает в себе некоторые черты профессора-филолога, как плохие, так и хорошие): “он был грамматиком, а потому, без сомнения, мог заглядывать в будущее дальше, чем большинство людей”^{***}. Толкин и тут знает больше, чем ОСА. Первая цитата, которую ОСА приводит под заголовком “gramarye” (понимаемом как “волшебство”) взята из баллады “Король Эстнер”: “Моя мать родом с Запада/ и обучена gramarye”. Как это верно! Конечно, женщина, которая родом с Запада, должна знать грамматику, подобно херфордширским мудрецам, и как приятно, когда грамотность несет с собой еще и кое-какие практические преимущества! Но в балладе “Король Эстнер” главное не это. В знаменитой коллекции Ф.Дж.Чайлда “Английские и шотландские народные баллады” (1882-98г.) эта баллада снабжена предисловием, заглянув в которое, Толкин мог прочитать, что ближайшие аналоги поэмы существуют в фарезском и датском языках (это снова отсылает слово “glamour” к древним традициям скандинавского севера), а филолог Сохус Бун зашел настолько далеко, что предположил связь этой баллады с древнескандинавской “Сагой о Хервораре”. Наверное, из всех скандинавских “саг о древних временах” эта сага наиболее романтична и традиционна. Она содержит фрагменты, которые, возможно, являются древнейшими образчиками сохранившейся до наших дней старинной поэзии Севера. В 1960г. эта сага была переведена и издана в редакции сына Толкина Кристофера под названием “Сага о короле Хейдреке Мудром”.

“þess galt hon gedda
fyrir Grafar osi,
er Heiðrekr var veginn
undir Harvaða fjöllum”(60).

Так пишет забытый поэт: “Копье отплатило у озер Графы/ за убийство Хейдрека/под водопадом Харвада...” Кристофер Толкин отмечает: никто еще не пытался возразить... против того, что “Харвад”

— это не что иное, как “Карпаты”. Поскольку в германском своем варианте это имя нигде больше не встречается и, по-видимому, является реликтом весьма и весьма древней традиции, трудно спорить с тем, что эти несколько строк — отрывок из какой-то утерянной поэмы... что, как минимум, сохранившиеся в нем имена восходят к поэтическим произведениям, которые пелись во дворцах у вождей германских племен Центральной и Юго-Восточной Европы.” Трудно было бы прокомментировать эти строки в более романтическом духе и одновременно более строго с филологической точки зрения, поскольку, как пишет Кристофер Толкин в примечании, основа *karpat* была, в согласии с законом германского изменения согласных (закон Гримма) трансформирована в *xarfab*. “*Glamour*”, “*gramarye*”, “*grammar*” (грамматика), филология - все это, сразу на нескольких уровнях, представляет собой в основном одно и то же.

Теперь понятно, почему Толкин использовал одно и то же слово и для характерного литературного качества, присущего “Беовульф” — “*glamour*’а Поэзии” (“славы, блеска, очарования, волшебства поэзии”) (ЧК, с.248), и для характерного, хотя, возможно, и не литературного качества, присущего “волшебным сказкам” — “*glamou*’а страны эльфов” (“волшебства” страны эльфов) (ОБС, с.374). Он не до конца понимал, по какому именно следу он идет, однако безошибочно чувствовал, что во многих древних историях, стихотворениях и поэмах присутствует нечто общее, хотя все сразу принадлежать перу одного человека они не могли. Правда, эта общность могла появиться просто в результате отдаленности от нас этих текстов по времени и по расстоянию — возможно, это что-то вроде “эльфийской закалки древностью”, а может быть, нас путает “кривое зеркало филологии”; но может быть и так, что эта общность указывает на какую-то великую истину, которая скрыта от нас в глубинах истории, покрытых ныне абсолютной тьмой, в тех временах, недоступность которых Толкин именно поэтому переживал так остро. Была ли это память об утраченном рае, или, как в “Листе кисти Нигля”, “пророчество о рае” или — опять-таки как в “Листе кисти Нигля” — единственный шанс человечества создать видение рая, которое могло бы обрести реальность когда-нибудь в будущем, если даже в прошлом ею никогда не обладало? Толкиновские теоретизирования по поводу всего этого так никогда и не оформились в единое целое. Однако мы можем смело сказать, что, судя по всему, больше всего он ценил в литературе то мерцание, ту сущность, которую никогда не удастся разглядеть отчетливо и которая всегда указывает на что-то скрытое в глубинах; это мерцание видится и в “Беовульфе”, и в “Саге о Хервораре”, и в названии “Фаулера”, и в стихотворении “Человек с Луны”, и в топониме “Кузница Виланда”, и во многом другом. Это качество и есть “*glamour*” - волшебство; можно сказать, что “*glamou*” — противоположность “*shrewdness*” (“хитрости”), поскольку в то время как второе слово восходило в фавор, первое отступало на задний план и теряло в достоинстве, что одновременно доказывает превосходство древних понятий о мире над современными. Возможно, когда Толкин призвал слово “*glamour*” в помощь для создания своей, чисто личной концепции “фэнтези”, он отнесся к нему чересчур серьезно. Но, по крайней мере, этому имеется и прецедент, и обоснование. Как писал Якоб Гримм в своем “*Keutsches Wörterbuch*” (после определения филологии, в соответствующей словарной статье):

“Всех филологов можно разделить на две категории — тех, кто изучает слова ради вещей, и тех, кто изучает вещи ради слов”.

Гримм не сомневался, что первая категория выше, в то время как представители второй склонны впадать в педантизм и ограничивать свои занятия словарями. Толкин был очень характерным представителем первой группы.

Примечания:

* Т.е. от дальнейшей академической карьеры. — М.К.

** Например, образ башни, с которой можно увидеть море — один из главных образов, изобретенных Толкином, и принадлежит к числу наиболее сильных его художественных выдумок; в нем ярко выражено то основное требование, которое Толкин предъявлял к литературе. Написанное в 1920г. стихотворение “Счастливые мореходы” начинается так: “Я знаю окно на западной башне,/ Из которого видны небесные моря...”. Во “Властелине Колец” (т.I, с.16) говорится о бытующем у хоббитов поверье, что с вершины самой высокой из эльфийских башен на Башенных Холмах можно-де увидеть море; однако никто из хоббитов никогда не пытался туда забраться.

*** “Обман зрения”(лат.). — М.К.

**** В переводе Г.Усовой это место звучит так: “Он ведь был человек образованный и мог предвидеть будущее гораздо лучше других”. — М.К.

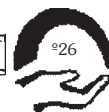

Павел Федоров

Письмо участникам диспута

(окончание. Начало в №№22-25)

Коснемся еще одного важного вопроса. В книгах Толкина нередко встречаются волшебные, чудесные события - для книги такого жанра это более, чем естественно. Вполне нормально, что у некоторых православных читателей может возникнуть опасение - не оказывается ли творчество английского писателя проповедующей магию, оккультизм или другие увлечения, опасные для человеческой души. Нельзя не понять испытывающих такие опасения - ведь перечисленные занятия - не просто грех. Они могут ввести и вводят человека в прямое общение с падшими духами, которые "как лев рыкающий" ищут кого обольстить, умертвить духовно, отторгнуть от Бога. В отношении книг Толкина, однако, эти опасения мало оправданны. Чтобы увидеть это, попробуем поподробнее говорить о том, что мы понимаем под словами типа "магия" и "волшебство". Ведь еще несколько сотен лет назад этими словами называли бы многие из вполне привычных нам вещей, отнюдь не носящих сверхъестественного или греховного (как нам это известно теперь) характера. Не греховно использовать те или иные достижения технологии, знание законов природы - если использование их не противоречит заповедям Божиим и не приводит к тому, что всю свою надежду человек возлагает на творения рук своих или на свои знания о мире (к несчастью, в современном обществе это не редкость). Не греховно пользоваться и собственными богоданными талантами и способностями - если это не приводит к гордыне и самонадеянности, и не творится в нарушение воли Божией. А вот обращаться к падшим духам, надеясь заставить их служить себе, или вступать с ними в сотрудничество - воистину тяжкий грех и путь к духовной смерти. Греховно и пытаться самовольно овладеть теми способностями, которые, может быть и были присуще человеку до грехопадения, но потом были им утрачены (О том, что это имело место пишут многие Святые. Хорошо об этом говорит Св. Игнатий Брянчанинов - Еп. Игнатий (Брянчанинов), Слово о чувственном и духовном видении духов, Аскетические опыты - т. 3, изд-е 3-е, СПб, 1905, с. 7-65). В определенных случаях, возрастая в праведности или по особому смотрению Божию, человек может вновь обрести эти способности - но именно обрести, как дар, а не исхитить силой. Для падшего человека - благо, что эти возможности он утратил, они бы принесли ему лишь зло - ибо он не умел бы правильно распорядиться ими, отличить истинное от ложного, представляя удобную мишень для влияния духов зла (что и действительно часто происходит, когда человек самовольно, безблагодатно пытается вскрыть в себе утраченное некогда). Надо полагать, что и некоторые силы и средства настолько уже подпали под власть Сатаны, что невозможно пользоваться ими, не открываясь ему и не побеждаясь им. Это все - правда и ни один православный человек с этим спорить не станет. Но и относить все необычное и странное к происходящему от Сатаны или к чернокнижию - вряд ли будет по-христиански (вспомните, не бросали ли обвинение в этом и Самому Христу - "Он изгоняет бесов силою князя бесовского" (Мф. 9:34)). Не стоит забывать, что помимо "чудес" ложных, сатанинских, были и есть чудеса истинные, творимые Богом, и кажущиеся чудесными творения и дела людей, им принимаемые и освящаемые (а разве успешная сложная хирургическая операция, спасающая жизнь человеку - не чудо?). Что же мы находим в "волшебной истории" Толкина? Находим ли мы, чтобы кто-нибудь

из положительных его персонажей пользовался услугами злых духов, слуг Темного Властелина? Чтобы он призывал их на помощь или старался подчинить себе оккультными средствами? Ничего такого в книге Толкина мы не найдем. Напротив, мы видим постоянные предостережения о том, что опасно и губительно пытаться пользоваться тем, что “под рукой” Темного Властелина. “Ни за что не надевай его ни под каким предлогом” пишет Гэндальф Фродо о Кольце, созданном Сауроном. И читатель видит, к каким ужасным последствиям приводит нарушение этой “заповеди”, к каким ужасным последствиям приводит и само владение Кольцом - соприкосновение с происходящим от зла. Мы видим, что возжелавший власти и по пытавшийся воспользоваться методами Темного Властелина в борьбе с ним самим гордый Саруман сам падает, подобно Саурону. Мы видим, как погибает Денетор, в гордости своей думавший “обмануть” зло, вступив с ним в контакт через Палантир - вещь, которая в сильной степени находилась под властью зла - и сам оказавшийся обманутым. Говорится и о том, что смертному может оказаться опасно искать “эльфийских чудес” - особенно, если он нечист помыслами. Мы видим “волшебные” вещи - но это все просто вещи, наделенные особыми свойствами. Герой не может полагаться на них - они не решают за него его задач, он должен продолжать внутреннюю и внешнюю борьбу со злом. Некоторые же иные “волшебные” вещи и происшествя у Толкина по духу своему скорее ближе к области того, что мы назвали бы “чудесным”, а не “магическим”. А вот что говорит сам Толкин о “волшебстве” и “магии” в своей книге: “Я боюсь, что часто был слишком небрежен в отношении “магии” и особенно в самом использовании этого слова; хотя Галадриэль и другие и показали, критикуя употребление его смертными, что мысль моя в этом отношении не была уж совсем неосторожной. <... Я не хотел бы быть вовлечен в споры о том, реальна ли “магия” в любом смысле этого слова и возможна ли она в этом мире. Но я полагаю, что в отношении моей истории, следовало бы сказать что <между магией Саурана и эльфийским волшебством - пер. существовало скрытое различие, подобное различию, которое признается между магией и гоэтэи (goetia - греч. “волшебство”, прим. пер.) ... Обе стороны используют и то, и другое, но с разными мотивами... “Магия” Врага - сила, с помощью которой он как бульдозером перекапывает землю и людей; с помощью “магии” он путает, подчиняет чужие воли. “Волшебство” эльфов и Гэндальфа (которым они пользуются крайне осторожно) дает реальный эффект в реальном мире (например, зажечь мокрый хворост) ради особых благих целей. Их волшебство - чисто творческое и не направлено на обман... но... разница с человеческой “магией” в трилогии в том, что это не та сила, которую получают (от или с содействием злых духов - П.Ф.) из преданий или с помощью заклинательных формул; это - врожденная сила, которой у людей нет и которой они стяжать не могут” (Letters, p.199-200, письмо 155 - к Наоми Митчисон, пер. М.Каменкович из комментариев к ее переводу ВК с моими дополнениями по оригиналу). И в другом письме Толкин размышляет: “... Под...магией... я понимаю всякое использование внешних планов бытия и внешних приспособлений - вместо развития внутренних сил и талантов; в некоторых случаях даже таланты можно использовать с извращенными целями, для того чтобы с их помощью над чем-либо господствовать - например, чтобы разворотить мир бульдозерами или, скажем, подчинить себе чужую волю... Очевидный пример тому в современном мире - Машина (она гораздо ближе к магии, чем принято обычно думать). Я прибегаю к слову “магия” далеко не всегда. Владычица эльфов, Галадриэль, упрекает хоббитов в том, что они применяют это слово без разбора и к чарам Врага с его машинами, и к эльфам. Дело в том, что для эльфийских “волшебств” подходящего слова попросту не существует, а “магией” я это назвать никак не могу. Люди всегда путали эти смыслы. Эльфы для того и введены мной в повествование, чтобы показать разницу. Их “магия” - отнюдь не магия: это Искусство, освобожденное от многих человеческих ограничений. Для него требуется меньше усилий,

творится оно быстрее и результат его полнее - и безупречно соответствует замыслу. Цель этого “волшебства” - чистое искусство, а не власть над миром, вспомогательное “малое” творчество, а не господство над Большим Творением и тираническое его переустройство” (Letters, p. 146, письмо 131 - к Милтону Уолдмену, пер. М. Каменкович по ор. cit. с моими исправлениями по тексту оригинала). Эльфийское волшебство у Толкина ближе к необычному, к чудесному, оно связано с более глубоким пониманием сути и природы вещей -но уж никак не соответствует тому, что мы привыкли именовать “магией”, “волшебством” и тем более “окультизмом”. Сами “волшебники” Толкина -эmissары Владык Запада у меня всегда в первую очередь вызывали воспоминание о евангельских волхвах, поклоняющихся младенцу Иисусу. Кстати, в английском тексте Библии, они - “мудрецы”, ‘wise men’ - почти точно соответствует слову wizard - “волшебник” у Толкина, древнее значение которого именно таково - “много знающий, сведущий, мудрый”. Приписать Толкину и его эльфам интерес к оккультизму и ведьмовству можно только если намеренно (и очень сильно) стараться это сделать.

Так что мы не находим в книгах Толкина никаких специфически гностических, эзотерических или оккультных взглядов. Не находим никаких оснований его в этих взглядах подозревать - учитывая его верность христианской традиции, о чем мы еще скажем, когда речь пойдет о нем самом. И нет никаких оснований сомневаться в том, что сказано переводчиками Толкина в предисловии к “Властелину Колец”: “Памятуя, что Толкин был глубоко верующим, “практикующим” католиком, мы позволяли себе привлекать в качестве философского комментария только тексты, принадлежащие христианской традиции. На Западе и у нас были предприняты попытки истолковать “Властелина Колец” в духе эзотерических учений, однако, как свидетельствует Кристофер Толкин, его отец никогда не интересовался ни теософией, ни оккультизмом, и в его библиотеке не было ни одной книги, посвященной этим предметам” (ВК, цит. изд., т.1, с.13).

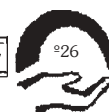
IV.

“ИЗНАЗАРЕТАМОЖЕТАЛИБЫТЬЧТОДОБРОЕ?..”

Отом,чтоикатоликвполнеможетмыслить“православно”.

Обратимся теперь к другому вопросу. То, что творчество Толкина -творчество христианское, по крайней мере не гностическое и не оккультное -уже было достаточно ясно показано. Не носит ли однако это творчество оттенка специфически католического? Нет ли в творчестве Толкина чего-нибудь такого, что, будучи характерно для католических духовности и вероучения, входило бы в противоречие с духовностью и вероучением православными?

Ответ на этот вопрос требует осторожности и внимания. Для большей части грамотных читателей очевидно, что творчество Толкина имеет отчетливый “западный” привкус - с этим мы спорить и не собираемся. Можно по-разному понимать различия между католиками и православными и по-разному к этим различиям относиться. Но одно несомненно - узкий националистический подход, который восхваляет все родное и поносит все иноземное - подход чуждый для всякого христианина - равно на Западе и на Востоке. Ясно и другое - для человека сведущего в церковной истории, вне зависимости от его отношения к упомянутым различиям - вовсе не все в западной культуре связано с той как богословской так и

духовной специфики, которая не была принята Православной Церковью и послужила причиной возникновения и дальнейшего исторического развития Великого Раскола 1054 года. Православные признают и разделяют с католиками изрядную часть богословского и святоотеческого наследия, оставленного нам древней, дораскольной Церковью, - в том числе и ее западной частью - Римской, Галльской, Англо-Саксонской, Ирландской (и другими кельтскими) Церквями. Достаточно открыть православные святы, чтобы увидеть там имена, скажем, Св. Мартина Турского или Св. Льва Великого. А сейчас православные на западе активно занимаются собиранием сведений о древних Святых своих земель, возрождением их почитания, изучением их духовного и культурного наследия. Церковь - организм богочеловеческий. Поэтому в каждом народе, в каждой культуре Церковь обрела свою, особую “плоть”, неотделимую от культуры и духа народов, которые к ней принадлежали - что вовсе не мешало всем Поместным Церквям сохранять прочное вероучительное единство и общение друг с другом. Церковь становилась греческой для греков, римской для римлян, кельтской для кельтов - всякой для всех, чтобы собрать от всякого народа свою жатву во Христе. Во многих отношениях Толкин кажется в большей степени наследником духа этих христиан первого тысячелетия, чем латинских богословов тысячелетия второго. Думается, это вовсе не удивительно. Будучи лингвистом, много работая с древними текстами англо-саксонского периода, Толкин был хорошо знаком с трудами монахов и богословов той поры. Т. Шиппи, исследователь Толкина, пользующийся большим авторитетом на западе, видит в книгах Толкина преимущественно именно их “мировоззренческое” влияние. Переводчики “Властелина Колец” Мария Каменкович и Валерий Каррик (кстати, люди православные), интересуясь возможными католическими особенностями творчества Толкина обратились за консультацией к другу писателя, католическому священнику Р. Мюррею. Вот что тот писал им, высказав удивление самой постановкой такого вопроса: “Не знаю, стоит ли так беспокоиться по поводу различий, которые могут существовать между Толкином (или мной!) как католиками и вами как православными, - пишет он. - Во-первых, культурная среда, которая послужила плавильным котлом для его “малого творения” <... - это культурная среда Северной Европы, сперва языческой, потом мало-помалу христианизировавшейся. <... Толкиновские “героические” характеры наделены человеческими добродетелями и недостатками, похожими на те, что мы находим в ранних литературах народов, еще не принявших христианства или постепенно христианизирующихся. Они отражают тот период, когда те характерные различия Восточной и Западной Европы, которые впоследствии привели к столь беспокойным последствиям в различиях православного и католического понимания Евангелия, едва ли еще имели какое бы то ни было значение”. (цит. по: М. Каменкович, “Троянский Конь”, “Палантир” #10,11,14,15). Действительно, едва ли для толкиновского “мира”, помещенного в дохристианское время, могут иметь существенное значение такие проблемы, как учение о безошибочности римского епископа, вопрос о непорочном зачатии Девы Марии или об исхождении Духа Святого только от Отца или также и от Сына. Не имеют его герои понятия ни об индульгенциях, ни о чистилище, не рассматривают и не затрагивают вопроса о служении Евхаристии на квасном или пресном хлебе, равно как и о моменте и образе пресуществления (или преложения Святых Даров). Все это еще бесконечно далеко от них. Сама надежда спасения присутствует в мире Толкина лишь как далекое и неясное видение - зато в изобилии видим честь, которую Толкин воздает человеческим - и христианским - добродетелям. Не находим мы у Толкина и того “юридизма”, в избытке которого не без основания упрекают схоластов. То, что Толкин по духу близок к христианам первого, а не второго тысячелетия, видно и из его писем. Он часто упоминает Бога и говорит о Нем, особенно, когда пишет к сыновьям. В письмах он часто обращается к Писанию - но мы не найдем у него упоминаний средневековых католических мыслителей - Фомы Аквинского или

даже дораскольного бл. Августина. И при таком евангельском фокусе жизнь Церкви и верующего для него христоцентрична, она строится и собирается вокруг Евхаристии и наполняется молитвой - и такое видение полностью православно и продолжает (как и многое у Толкина) традицию древних кельтских (оказавших огромное влияние на культуру всей Европы) и англо-саксонских святых. Да, Толкин - католик. И как положено добропорядочному католику принимает и признает все католическое вероучение, но даже признание первенства епископа Рима принимает у него евхаристический оттенок. Вот что пишет об этом М. Каменкович, приводя и комментируя в своей статье о судьбе книг Толкина в России отрывки из писем писателя (снова извинюсь за большую цитату): “Нужна фантастическая воля к неверию, - пишет он, - чтобы предполагать, что Иисуса никогда “не случилось” в действительности, и еще более фантастическая - чтобы считать, будто Он никогда не говорил того, что за Ним записано, то есть таких слов, каких никто из живших тогда в мире людей даже и выдумать не смог бы - например, таких: “Прежде, чем был Авраам Я есмь” (Иоанн, 8) или таких: “Видевший Меня видел Пославшего Меня” (Иоанн, 10), или о Св.Таинах у Иоанна (6): “Тот, кто ест мою плоть и кровь мою пьет, будет иметь жизнь вечную”. Поэтому мы должны либо поверить в Него и в то, что Он говорил, и принять на себя все последствия этой веры, либо же отвергнуть Его и Его слова - и принять на себя все последствия такого шага. Я нахожу трудным поверить, чтобы человек, когда-либо, пусть даже один-единственный раз, побывавший у Причастия с намерениями по меньшей мере правильными, мог бы потом снова отвергнуть Христа, не совершив при этом тяжкого греха (хотя только Он один знает каждую душу в ее исключительности, и знает причины человеческих поступков). Единственное известное мне лекарство от упадка или ослабления веры - это Причастие. Лично я убежден в правоте притязаний Петра на первенство. (обратите внимание на контекст этих слов П.Ф.) - Да и если оглядеться по сторонам, мало останется сомнений в том, какая из церквей (если христианство истинно) - истинная, какая из них представляет из себя Храм Духа, умирающий - и присноживущий, поддающийся порче - но святой, самореформирующийся - и восстающий из глубины падения. Однако для меня главной вестью, которую несет миру Церковь, признанным главой которой является Папа, может быть только ее притязание (и справедливое притязание) на обладание Св.Таинами, которые она всегда защищала и ставила во главу угла (что, по всей видимости, согласуется с волей самого Христа). “Паси агнцев моих”, - повелел Он напоследок Св.Петру <По-английски ‘Feed my sheep’, “корми овец моих”, что ближе к греческому варианту этого текста -” “ - М.К. , а поскольку Его слова надо всегда прежде всего понимать буквально, я полагаю, что они относятся прежде всего к Хлебу Жизни. На самом деле западноевропейский бунт (Реформация) был направлен именно против “кощунственной басни Мессы”...”. О протестантизме же Толкин пишет следующее: “Протестантизм обращается вспять в поисках “простоты” и “прямоты” и, конечно, несмотря на содержащиеся в этом намерении добрые или по крайней мере понятные мотивы, ошибочно и просто тщетно. Ибо “первоначальное христианство” сегодня, несмотря на все “исследования”, навсегда останется для нас в большой степени неизвестным, ибо “простота” не есть гарантия ценности и является (и всегда являлась) во многом отражением невежества”... “Церкви не было предуказано от Господа оставаться в неподвижности или вечном детстве; она создана была как живой организм (уподобленный растению), который развивается и меняет свой внешний облик благодаря... особым обстоятельствам мира, куда он помещен. Между “горчичным зерном” и “деревом” нет никакого сходства”. У нас нет никаких сведений о том, сравнивал ли когда-либо Дж.Р.Р.Толкин католичество с православием, также ставящим Св. Таины во главу угла. Скорее всего, он об этом не задумывался, мысля, по традиции, в рамках оппозиции “католичество-протестантизм”; по крайней мере, среди опубликованных писем и черновиков Дж.Р.Р.Толкина нет никаких свидетельств о том, что он когда-либо интересовался греческой

верой. Именно поэтому Толкин ставит ударение именно на Причастие, отсутствующее у протестантов как Таинство и - в других письмах - на культ Девы Марии, к Которой всю жизнь питал особое благоговение и любовь. “С Ней, - пишет он в одном из писем к Р.Муррэю, - связаны все мои скромные представления о красоте - как простой, так и окруженной ореолом славы”. Тем самым мы оказываемся лишены возможности отыскать в словах самого Толкина какое-либо внутреннее свидетельство его принципиальных разногласий с православием - тем более, что, констатируя свою верность Папе, Толкин не идет

далее чисто внешнего выражения лояльности и тем самым не дает нам права говорить о его восприятии этого догмата (наиболее спорного в отношениях двух церквей!) как об особо значительном для его жизни или творчества - тем самым выбивая у нас как исследователей этого вопроса почву из-под ног. Действительно, все различия оборачиваются сходством, и можно подумать, допустив несколько купюр, что Толкин в своих письмах славит именно ПРАВОСЛАВНУЮ церковь.’ (М. Каменкович, *op. cit.*) И еще: “Следует, правда, отметить, что “духовная” власть у Толкина является подлинно духовной, то есть, основана только на любви: у Гендальфа в подчинении всего-то один конь, да и тот слушается его только потому, что сам этого хочет. Элемент принуждения в этой власти полностью отсутствует, хотя по некоторым эпизодам можно догадаться, что Гендальф достаточно силен, чтобы подчинять чужие воли, - зато отчетливо читается идея жертвенности (Гендальф жертвует жизнью ради спасения отряда, который ведет опасной дорогой через подземелья Мории). Более того, друзья Гендальфа обращаются к нему без малейшего пиетета и церемонности, - сам же он, наоборот, считает нужным выказывать знаки почтения по отношению к земным властителям. Таким образом Гендальф, по выражению одного из исследователей, “основная пророческая фигура” у Толкина - совсем не похож на Папу Римского!” (там же).

Есть у Толкина в творчестве мотивы, которые характерны для католической культуры, но они носят универсальный характер - знание (ученость) как добродетель (но это - в первую очередь продолжение традиций ирландских монахов древности и духовного наследия монахов-бенедиктинцев - Св. Бенедикт Нурсийский, заложивший основы культуры последних, находится в православном месяцеслове под именем Преподобного Венедикта); воинское делание как служение добру (Но чуждо ли это представление Православному мироощущению? Для того, чтобы ответить, достаточно вспомнить Св. Георгия Победоносца, Свв. Александра Невского и Димитрия Донского); духовное значение странствия-quest’a во имя исполнения долга и послушания (но разве это не продолжение ирландской древней христианской традиции воспринимать жизнь, как паломничество в Царствие Божие - кроме того, странничество и паломничество в равной степени характерны и для православной духовной культуры - “Место quest’a в русской православной (да и фольклорной) традиции занимает “послушание” - путь во исполнение повеления, данного светским властителем или духовным наставником.” (М.Каменкович, *op. cit.*)); значение власти, утвержденной свыше, власти по праву (но разве не признаем мы значения богоутвержденной царской власти или морального авторитета?). Некоторые же мотивы толкиновских книг и вовсе кажутся по меньшей мере не менее православными, чем католическими - например мотив воздействия -благодатного или, напротив, тлетворного - сил добра или зла на природу и окружающий мир.

Наконец, чтобы закончить с этим, приведу комментарий из той же статьи М. Каменкович по поводу еще одного, менее известного произведения Толкина: “Некоторым исследователям Толкина удавалось

увидеть в рассказе последнего “Лист кисти Нигтля” аллессию Чистилица. Наконец-то явно католическое понятие, какового не сыскать у древних англичан! Действительно, герой рассказа, художник, попадает после смерти в таинственный “госпиталь”, где ему приходится проходить долгий и неприятный процесс “лечения”, прежде чем он получает прощение и оказывается внутри...собственной картины, которой высшие силы даровали жизнь и плоть. Художник “дописывает” картину и обретает возможность пойти дальше - “в горы”. Однако Р.Муррэй подвергает столь упрощенное толкование рассказа сомнению. “Толкин

<... был правоверным католиком, однако я сомневаюсь, что вам следует говорить именно о римскокатолическом учении, когда вы комментируете его работы, - пишет Муррэй. - Например, <... идея Чистилица. Я понимаю, почему, читая “Лист кисти Нигтля”, невольно вспоминаешь о Чистилице. Однако я лично никогда не думал о времени, проведенном Нигтлем в госпитале, как об аллессии Чистилица. Вся эта история скорее просто трогательная притча о том, как некий хороший человек, добрый и щедрый, однако неупорядоченный и нуждающийся в исцелении и гармонизации своего характера, может быть ради исцеления проведен через некое таинственное страдание, дабы увидеть в конце, что все хорошее, что он мечтал сделать, но так и не смог осуществить, стало реальностью <существующей помимо него самого. Рассказ о Нигтле - плод смирения Толкина, образ его собственных недостатков. Я и сам вижу себя в Нигтле. Однако я понимаю эту притчу как рассказ о тайном действии благодати на протяжении всей нашей жизни, а не как образный рассказ о Чистилице...Возвращаясь к отношениям между католичеством и православием, можно сказать, что нас объединяет удивительное, общее для нас чувство того, что молиться за умерших людей, которых мы любим, хорошо и правильно, - и за всех умерших, о которых люди позабыли, тоже. Римокатолическое учение и чистилице развилось в Средние века, в изоляции от православия, и использовало определенные мыслительные модели наказания и искупления, которые сегодня кажутся нам нестерпимо жесткими и материалистическими. Идея о том, что Бог очищает нас через страдание, имеет, конечно, огромную ценность и весьма важна, и этому учили как ваши святые, так и наши. “Лист кисти Нигтля” - притча, в которой говорится именно об этом”. (М. Каменкович, op. cit.).

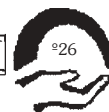
Вообще же говоря, этот вопрос я затронул, предупреждая возможные “обвинения”. Хотя для меня самого странно ставить его таким образом - читаем же мы Диккенса или Свифта, не задумываясь об их конфессиональной принадлежности. И книги К.С. Льюиса, англиканина по вероисповеданию, не отказываемся своим детям давать (да и сами читаем). Кстати, Льюис (который был другом Толкина и под его влиянием обратился в христианство, хотя католиком так и не стал) с большим одобрением отзывался о “Властелине Колец”.

V.

“ЭХО БЛАГОЙ ВЕСТИ”

О Толкине как христианине и создателе “малого творения”

Как уже не раз было сказано, рассматривать произведение не богословское и не вероучительное с применением строгих богословских критериев - есть некоторая нелепица. Ведь, если вдуматься, и язык, и образы, которыми пользуется всякое такое сочинение для передачи определенного духа и идей, коренным образом отличаются от языка и методов, употребляемых в богословском трактате, сборнике проповедей или аскетическом сочинении. Кроме того, весьма часто значение тех или иных образов или частей такого повествования становится ясно только в целостном контексте. Поэтому поиск в таких сочинениях цитат, которые якобы “не соответствуют Православию” - занятие крайне неразумное и неблагодарное. Тем не менее, рассмотрение произведений такого рода в свете христианского вероучения не невозможно - только

методы и способы этого рассмотрения должны быть иными, вполне соответствующими характеру и содержанию предмета, с которым оно имеет в этом случае дело. Содержание книг Толкина в этом свете - в случае непредвзятого прочтения - предстает нам совершенно христианским. Они неявно, ненавязчиво вводят в круг размышлений и переживаний читающего христианские мотивы и образы, в них с особой, и - в силу новизны фона - необыкновенной красотой и силой сияют христианские добродетели. Вчитаемся в перечень душевных добродетелей, даваемый нам одним из величайших Святых прежних дней - Св. Ефремом Сирином: “О душевных добродетелях утверждаем, что главным образом четыре родовые добродетели, а именно мужество, благоразумие, целомудрие, справедливость. От них же рождаются следующие душевные добродетели: вера, надежда, любовь, молитва, смирение, кротость, великодушие, терпение, доброта, негневливость, Боговедение, нераздражительность, простота, невозмущаемость, нелицемерие, правдолюбие, свобода, отвращение от осуждения, от тщеславия, от кичения, от гордости, от зависти, от коварства и от сребролюбия, сострадательность, милосердие, щедрость, почитательность, благоговение, влечение к будущим бессмертным благам, желание Царствия Божия, возжелание всыновления” (Добротолюбие, М., 1895, т. 2, с. 369). Книга Толкина повествует нам о “дохристианском прошлом”. Но пишет об этом “прошлом” христианин. И если не ожидать от такой книги явной проповеди о Христе и тех добродетелей, которые открываются нам только в свете Благой Вести, то все оставшееся из перечисленного древним подвижником мы в ней обнаружим. А внимательно читая письма Толкина и воспоминания о нем, начиная понимать образ его внутреннего, духовного устройства, понимаешь, что его книги не могут быть не пропитаны и добродетелями, “оставленными за скобками” - потому что автор этих книг в немалой степени был их носителем.

Роберт Мюррей пишет об этих “дохристианских” добродетелях: “Если человек, никогда ничего не слышавший о Евангелии, признает благородство человека, жертвующего жизнью ради ближнего, и сам поступает так же, то благородство его поступка никак не уничтожается тем фактом, что Сын божий явился в мир, чтобы сделать то же самое, и не ради какого-то одного своего друга, а ради всех нас. Я слишком мало знаю, чтобы настаивать на истинности того, что сейчас скажу, однако по моему впечатлению, строгий кальвинист сказал бы, что поступок язычника не может быть совершен под воздействием спасительной благодати, поскольку он еще не слышал Евангелия. Однако св. Иустин, раннехристианский философ и мученик, веровал иначе: он считал, что благодать божия уже действовала в таких людях, как, например, Сократ. А Евсевий Кесарийский все свое “Приготовление к Евангелию” построил на этой идее. Я считаю, что Толкин сотворил свой воображаемый мир, основываясь на идее “предваряющей” Божьей благодати, в нем действующей, - именно потому, что он был католиком, но не принадлежал к ультра-кальвинистам; однако можно сказать также, что в решении этого вопроса он был истинно православным”. (Цит. по: М. Каменкович, Троянский конь).

“Поэтому можно сказать, что главная цель в жизни для всякого из нас -приумножать насколько это в наших возможностях наше знание Бога - всеми средствами, которые у нас есть - и тем сподвигаться на хвалу и благодарение. Следовать тому, что мы говорим в Gloria in Excelsis (Слава в вышних - общее для католиков и православных молитвословие): Laudamus te, benedicamus te, glorificamus te, gratias agimus tibi propter magnam gloriam tuam. Хвалим Тебя, благословляем Тебя, поклоняемся Тебе, славословим Тебя, благодарим Тебя великой ради славы Твоей. И в восторге мы можем призывать все сотворенное присоединиться к нашему хору, так, как оно умеет - как об этом говорится в Псалме 148 и в Песни Трех Отроков в Книге Пророка Даниила. ХВАЛИТЕ ГОСПОДА... все горы и холмы, все сады и леса, все пресмыкающиеся и птицы крылатые...(ср. Пс. 148:9-10)” (Letters, p. 400, Письмо 310 - к Камилле Анвин) - пишет он девочке, дочери своего издателя, на вопрос о смысле и цели жизни.

Толкин полагал, что способность творить, свободно создавать “малое творение” - одна из тех черт, которыми образ Божий запечатлен в человеке. Ибо Творец Великий создал в человеке творца в малом.

Этот дар, как и все дары Божии, как и самую свою свободу человек может употребить во благо, а может - во зло. И когда человек творит согласно с благой волей Божией, в смирении перед Господом, Творец может принять и освятить его творение Своей благодатью, осветив это творение изнутри тем светом, который сам человек собственными силами, дать ему не сможет, сколько бы ни старался. Тогда “малое творение” становится частью большого, принимается в него Богом, обретает полноту. Тогда в творчестве человека можно слышать дальнейшее эхо, отзвук Благой Вести, как можно слышать его во всем Творении. И тогда человек, реализуя свою способность к творению, данную ему от Бога, этим славит и восхваляет Создателя, как и всеми другими своими делами. И тогда все сотворенные, вместе с человеком, и все Творение - включая в него и людское “малое творение”, соединяются в одном хоре хваления и благодарения, возносимого к Богу. Таково было представление Толкина о творчестве - истинно христианский взгляд на способность творить, запечатленный и, в меру его сил, реализованный в его книгах. Толкин был христианином, который в своей жизни старался руководствоваться светом Христовым. И потому светят и его книги - отраженным светом. Он по-новому заговорил с людьми о том, что многие из них считали скучным, даже занудным - но что оказалось по-прежнему истинным, ярким и свежим. Своим творчеством Толкин обновил и оживил не сами вечные истины - они на то и вечны, что не нуждаются в обновлении - а взгляд, глаза, которыми его читатели смотрят на мир. И потому неудивительно, что чтение книг Толкина для некоторых послужило одним из первых шагов на пути к вере и Церкви (а такие случаи действительно были). И потому прав католический священник Роберт Мюррей, который говорит, что Толкин может быть назван, на свой особый лад, Поэтом Царствия Божия.

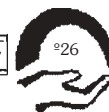
А вот что пишет о творчестве Толкина американский исследователь А. Кондратьев: “Для многих чтение Толкина было первым проблеском реальности, <... первым лучом теплого света, который сделал возможной оттепель в “ожесточившейся”, “закаленной” душе читателя. Испокон веков христианская Церковь проповедовала те же самые истины, однако через посредство книг Толкина эта весть прозвучала для нашего современника убедительнее. Глубоко укорененная в вере, весть эта, однако, представлена у Толкина не в религиозных терминах и не в виде некой описательной системы верований; она дана в опыте”. (Цит. по: М. Каменкович, Троянский конь).

Легко, г-н Музафаров, обвинять усопшего человека, который не может Вам возразить, в заблуждениях и ересях. Если Вас не убедили мои слова, напишите ныне здравствующему сыну и наследнику Толкина - Кристоферу. Спросите его, был ли Толкин гностиком и в каком духе он воспитывал своих детей. Уверен, что ответ будет вполне определенным - и мало подтверждающим Ваши обвинения. Смотри на тех, кто читал Толкина, снова и снова убеждаешься в истинности слов Евангелия - “добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое”. Книга Толкина действительно оказывается серьезным испытанием и ее чтение может стать для кого-то искушением - по разным причинам. Но любой серьезный шаг может быть таким испытанием. Испытание, которое проходит читатель Толкина помогает становлению искреннего, честного, верующего и праведного человека, христианина. И поэтому это - испытание, благое по своей природе - если, конечно, не принести зло с собой.

VI.

“КРИВОЕ ЗЕРКАЛО”

Несколько слов о “толкиновском” и “ролевом” движении и о русских читателях Толкина.

Вы, г-н Музафаров, пишете: “К вопросу о ролевиках и ролевом движении - мы готовим специальное выступление по этой теме, где хотим рассмотреть этот вопрос подробнее.” Мы уже получили возможность ознакомиться подробно с Вашими творениями в области обличительного богословия. Если обещанное Вами “специальное выступление” будет столь же “логичным”, “осведомленным” и “точным” (а глядя на вашу манеру ведения дискуссий, простите, но трудно предположить иное), то Вы поступили бы гораздо лучше, мудрее и разумнее, если бы избавили как церковную, так и прочую общественность от необходимости читать его. На всякий случай все же

скажу несколько слов по поводу заявленной Вами темы.

Для начала, сразу отделим разные вещи друг от друга, “определим” их. Не следует говорить о “толкиновском движении” и о “ролевом” как об одном и том же. Собственно, такого явления, как “толкиновское движение”, то есть более-менее большого круга людей, объединенных на общей почве интереса к Толкину, вообще не существует. Толкином серьезно интересуются (так, что его книги и творчество занимают достаточно важное место в жизни) одиночки, причем одиночки эти как правило друг друга не знают, и круг их интересов совершенно различен - одних занимает Толкин как писатель, жизнь и творчество которого изучают, других - как автор, взгляды которого им близки, третьих занимают сами плоды его трудов. Исключительно редко можно встретить даже неформальные группы людей, чьи интересы связаны с Толкином. Причем среди этих людей по определению не встречается сатанистов и дьяволопоклонников. Большинство их придерживается (в разной степени) христианских воззрений, есть и иные - мусульмане или иудеи, есть люди маловерующие и агностики (есть, вероятно и атеисты), но всех их объединяет одно - этика Толкина (христианская) им более-менее близка. Как я уже говорил, некоторые обратились в христианство под влиянием Толкина, а во многих он укрепил и пробудил почти угасшую веру. Среди этих людей вовсе не все участвуют в т.н. “ролевых играх”. Более того, их среди собственно “толкинистов” меньшинство.

Что же касается самих “ролевиков”, то это движение на самом деле имеет весьма мало общего. Вы можете возразить, что их (в том числе и они сами) называют “толкинистами”. Но это - просто название. Оно закрепилось за ними еще в те годы, когда почти все игры делались по Толкину (во многом просто из-за того, что других интересных молодежи и подходящих для игр книг тогда практически не было). Однако среди “ролевиков” таких, которые бы серьезно относились к книгам Толкина и в значительной степени разделяли бы мораль и мировоззрение, которые он утверждает в своих книгах - единицы. Для большинства из них книги Толкина - просто часть целого ряда разношерстных книг в жанре “фэнтези”, одна из многих - возможно, самая известная. Влияние книг Толкина на эту среду есть - этого нельзя отрицать. Почти все читали его книги - и восприняли из нее некоторые образы и имена. Боюсь, этим влияние английского писателя и его творчества и ограничивается. Многие используют образы Толкина для выражения своего мировоззрения - отнюдь не коренящегося в его книгах. К сожалению, в последнее время это мировоззрение все чаще и чаще начинает приобретать оттенки темного цвета.

Да, рост популярности неоязычества, разных мастей оккультизма, даже сатанизма среди определенной части ролевого движения - факт, который нельзя оспорить. Все чаще появляются среди его участников и группы откровенных хулиганов. Однако можно ли сказать, что причиной этого стала сама природа ролевого движения? Разве эти явления - зараженность оккультизмом и лжедуховностью, рост преступности - не свойственны всему современному российскому обществу - в массе своей ужасающе бездуховному?

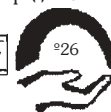

Они проявляются - по разному - практически во всех кругах его, задевая даже верующих людей, не говоря уже о прочих. Выделять и подчеркивать в этом отношении ролевое движение было бы несправедливо - просто оно больше привлекает к себе внимания в силу большей своей внешней необычности - и в силу того, что к нему все еще мало привыкли. Движение это не имеет ни четкой основы, ни единой организации (что, быть может, и к лучшему), ни единого мировоззрения. Пороки и болезни российского общества - следствия долгого правления безбожной власти, систематического искоренения истинной духовности, отсутствия нормального духовного просвещения “не для галочки” - все это проявляется во всех сферах нашей жизни. Молодежные движения для таких проявлений - особенно благоприятная среда - и “ролевики” здесь не хуже других (а иногда лучше - есть гораздо более печальные и уродливые духовные явления, подобные движениям “скинхедов” или поклонникам некоторых “сатаноориентированных” рок-групп). И к ролевикам настолько же мало приложимы ярлыки “сектанства”, “сатанизма”, “преступности” как к обществу в целом. Как и в обществе, в ролевом движении встречаются разные люди с разными взглядами - кстати, в их числе и православные христиане (даже и весьма благочестивые). Как и все нынешнее российской общество “ролевая среда” все более и более благоприятна для культивирования всевозможных грехов и мерзостей, все менее и менее может она содействовать возникновению, укреплению и поддержанию взглядов христианских и духовной жизни. Но и в этой среде, как и во всем нашем обществе встречаются островки, небольшие группы людей, которых эти общие тенденции практически не затрагивают и которые, явно или неявно, им противостоят. Было бы поэтому весьма и весьма неверно измерять всех без разбора одной меркой и пришивать ко всем без разбора один ярлык.

Все условия жизни в современном мире и, в том числе, и в России благоприятствуют для водворения в сердце и уме человека ничем не заполненной духовной пустоты. И вполне понятно - ведь “свято место пусто не бывает” - что, как в Евангельской притче, в эту опустошенную душу стремятся прийти и поселиться в ней многообразные падшие духи. Молодые люди особенно уязвимы для той фальши, неискренности, лжи и мерзости, что окружают их. В своих “неформальных” движениях они ищут спасения от этих сторон мира - и это естественно. Естественно и то, что многие истинные ценности в их глазах утратили привлекательность - потому, что слишком часто их произносят лживые и неискренние уста. В “ролевое движение” часто приходят молодые люди, которые не прекратили еще искать Истину в своей жизни. Поиск Истины - ибо блаженны алчущие и жаждущие Правды. Но это дело также и весьма опасное - так, желающего купить дорогую вещь немедленно осаждают торговцы подделками и воры, которых иногда трудно отличить от честных людей. И наше дело - сделать все, что в наших возможностях, чтобы помочь таким “искателям” обрести действительно спасение, а не гибель в этих поисках.

Вы, г-н Музафаров, ошибочно избрали предмет своих обличений. Скажу Вам, что есть множество книг, действительно содержащих взгляды, которые Вы силились обнаружить у Толкина (и которых у него нет). Есть они и на “толкиновской” почве, - искаженные и наполненные ложными идеями, подобно апокрифам гностиков. Такова “Черная книга Арды” некой москвички Н. Васильевой - написанная как “взгляд на толкиновскую историю с другой стороны” она исполнена идей откровенно гностическо-люциферических. Таковы книги Н.Д.Перумова - петербургского фантаста - “Кольцо Тьмы” и “Адамант Хенны” - якобы “продолжение” книг Толкина, они основаны на идее некой “третьей силы”, равновесия между Добром и Злом, которая абсолютнее и могущественнее обоих полюсов - тоже идея категорически несовместимая с христианством. Есть и другие, с Толкиновским “миром” не связанные - но включающие подобные упомянутым концепции. Они, кстати, значительно более популярны в “ролевой” среде, как и идеи, ими проповедуемые. Их популярность - симптом болезни общества. И тяжело думать о беспринципности авторов, которые ради заработка и популярности проповедуют ложные идеи, не придавая им значения и не задумываясь о последствиях (слава Богу, даже среди книг

этого жанра таковы далеко не все). Читая их “творения” юношество, незаметно для себя самого, впитывает ложные идеи, утверждает в них - до такой степени, что начинает считать их прописными истинами, чем-то, что само собой разумеется. И книга Толкина, учитывая существование этой “развлекательной литературы” - не просто хорошая христианская книга, но и некоторое лекарство, отдушина, ключ чистой воды среди зараженных источников.

То, что работы Толкина часто считают подобием этих книг, равно как и то, что некоторые понимают их в оккультном смысле - результат того, что они попали в нашу страну и были прочитаны массовым читателем в период, когда в здесь прошла волна увлечения эзотерикой, теософией, экстрасенсорикой. Но вина ли это самих книг? Думаю, в свете всего сказанного, понятно, что нет. И что о. Андрей Кураев был в целом прав в своей оценке: “Христианский апологет и проповедник Дж. Р. Р. Толкиен, предлагавший христианские идеи под прикрытием мифологических сюжетов и персонажей, перетолковывается его нынешними российскими читателями, неспособными в силу собственного невежества распознать христианские мотивы его книг, в мага и эзотерика”. (А. Кураев, “Оккультизм в православии”)

Скажу, что и ролевое движение - вряд ли подходящий объект для Вашей убийственной критики. В последние годы набирают силу движения и организации откровенно сатанистские или противохристианские по своей сути - против них следует обращать свою деятельность. Хотя этот предмет нападков - далеко не столь безопасен, как избранный Вами. Боюсь, упомянутые организации могут и отомстить за “обличение”, что “ролевики” вряд ли сделают - маловероятно, что им и мысль такая в голову придет. Тем паче опасно было бы бороться с ними делом. А в “ролевом движении” самом по себе плохого мало. Оно - зеркало, чуть искривленное, нынешнего состояния общества. И чтобы это зеркало показывало менее уродливое лицо, сначала следовало бы исправить само лицо.

Говоря честно, я испытываю некоторые опасения, когда мои дети общаются в ролевых кругах (а такое случается). Но это опасение не больше, чем в отношении их общения в школе и во многих других местах. Вы знаете, возможно, что нельзя держать младенца в абсолютно стерильных условиях - иначе первый случайный микроб может убить его. Точно так же нельзя ограждать ребенка от всего, что несет возможную опасность. Блага не достичь просто пугая, ограждая, запрещая - вместо этого потеряешь доверие и открытость со стороны своих детей. Мне представляется, что правильнее не держать юного воина Христова всю его жизнь в четырех стенах, а помочь ему, с Божьей помощью, выковать надежную броню и обучить ее носить и о ней заботиться. И тогда, даст Бог, он пребудет невредимым даже на поле боя. Не думаю, что участие в ролевом движении более духовно опасно, чем почти любое другое дело в современном мире. И хотя я всегда стремился (и буду стремиться) оградить своих детей от чрезмерной опасности, я вовсе не собираюсь с юности насильно делать из них отшельников. И думаю, что если бы собирался, Богу не было бы угодно такое мое неразумное усердие.

Душа христианина, глядящего на мир, не может не болеть и не скорбеть. Видя, как можно хоть в чем-то исправить творящееся зло и соделать добро, он не должен этой возможностью пренебрегать. Но добро должно твориться им в любви и смирении, а не в ненависти. Только любовь и дает право противиться злу - если нужно, то и обличением, но чаще - тихими делами добра. Нужно обладать святостью и величием духа Св. Николая Мирликийского, чтобы быть вправе дать пощечину Арию. Боюсь, судя по Вашим словам, что Вы, г-н Музафаров, склонны раздавать пощечины налево и направо, не особенно вглядываясь в лица тех, кто их от вас получает. Прошу Вас, задумайтесь о том, верен ли Ваш путь, от Бога ли он. Не заслонит ли в ваших глазах “Великая Россия” Крест Христов и Евангелие? (Кстати говоря, сам я признаю и дореволюционную, и современную орфографию. Не без уважения отношусь к людям, которые пользуются только первой - из благочестия и верности традициям. Собственно, первые книги по православному вероучению, включая и Евангелие, которые я читал когда-то, были

напечатаны именно в ней - тогда, собственно, религиозная литература практически и не издавалась. Но вот смешивать их между собой всегда почитал делом нелепым и неуместным, неким признаком недостатка грамотности, которой не хватает, чтобы использовать старую орфографию в чистом виде.) Я понимаю, что покаяние, переоценка своего пути - всегда дело нелегкое и болезненное. Постарайтесь найти в себе мужества для него. И если уж решили бороться - так сражайтесь действительно с тем, что несет в себе духовную опасность - а не с тем, с чем проще справиться. А прежде всего каждому из нас надлежит воинствовать со злом в собственной душе, чтобы очистив свои очи от бревен, мы могли увидеть как вынуть сучок из ока ближнего.

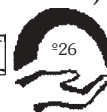
Когда же человек, прикрываясь именем Христовым начинает нападать на других, даже не разобравшись получше в том, на что нападает - это печалит. Такой человек не только себя выставляет на посмешище, его действия имеют плоды еще более печальные. Понятно, что люди неверующие воспринимают такого человека как действующего именем Церкви и с ее позиций. Можно конечно сказать, что такой человек на это не претендует - но достаточно того, что он это всенепременно знает - а значит должен принимать во внимание. И думает слушатель, что вот такова-то и есть Церковь Православная. И начинает в душе (или и вслух) смеяться над Ней, поносить Ее - на деле же не ее, а ее карикатурный образ в лице такого горе -“деятеля”. А тому это - только повод для торжества - “я так и знал, что все мои оппоненты - ненавистники Православия и враги Богу”. И получается, по уже раз приведенным мной словам Апостола, что “ради вас <... имя Божие хулятся у язычников”. Я не призываю Вас, вместо гневного обличения, пойти к молодежи, к тем же “ролевикам” и научить их истине - обличая заблуждение прежде всего самой своей жизнью, поступками и делами, а уж затем словами. Это было бы воистину подвигом, к которому я не могу призывать - не знаю, отважился ли бы сам на такое. Но вот задуматься о том, чем стоит и чем не стоит заниматься - необходимо. Как принести людям благо и пользу - а не просто завоевать имя и популярность громкими обвинениями в адрес давно усопшего английского профессора-лингвиста.

Мне передали, что Вы написали, что измените свое мнение лишь услышав слово православного священнослужителя или богослова. Я - смиренный мирянин, а не иерей, и богословом называть себя не дерзну - как-то слишком претенциозно применять к себе слово, которым Св. Церковь именует Ап. Иоанна и Св. Григория. Однако все же надеюсь, что Вы услышите и мои, пусть нелицеприятные, суждения - дай то Бог. Но если не услышите их Вы - может быть они принесут хоть какую-то пользу другим. Это было бы лучшей наградой моему труду.

Надеюсь также, что Вы не сочли меня слишком резким. Вы начали свою “дискуссию” в научном тоне, а в ученых кругах не принято обижаться на резкое обсуждение своих работ. Кроме того, если Вы православный человек, то, конечно, не оскорбитесь на другого православного, если он, из стремления исправить неправду, говорит даже и весьма неприятные действия. В любом случае, уверяю Вас, что не имею против Вас на сердце никакой злобы или чего-либо подобного. Если мои слова все-таки обидели вас, то простите меня ради Христа.

Простите меня, отцы и братья во Христе и помолитесь обо мне грешном и недостойном. Конец и Богу слава. Аминь.

Павел Федоров. (28 декабря/10 января 2000 года от Р.Х.)

Дополнение.

Источники о гностицизме, его отношениях с христианством и смежных вопросах.

- 1) Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей -1054 г.) Брюссель, “жизнь с Богом”, 1964.
 - 2) Минин П., Главные направления древне-церковной мистики, Богословский вестник, 1911-14
 - 3) Карсавин Л.П., Святые отцы и учителя Церкви. М., Изд-во МГУ, 1994.
 - 4) прот. И. Мейендорф, Введение в святоотеческое богословие, Нью-Йорк, 1985
 - 5) Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви, т. 2 - История Церкви в период до Константина Великого, СПб., 1907.
 - 6) Иванов-Платонов А.М., Ереси первых трех веков христианства, М., 1877
 - 7) Св. Ириней Лионский, Против ересей (любое издание, русское или иностранное).
- из светских источников:
- 8) Свенцидкая И.С., Раннее христианство - страницы истории, Москва, Политиздат, 1987 (не очень надежный источник).
 - 9) Ганс Йонас, Гностицизм, СПб, “Лань”, 1998.
 - 10) Апокрифы древних христиан (Исследование, тексты, комментарии), Москва, Мысль, 1989.
 - 11) Хосроев А.Г., Александрийское христианство (по данным текстов из Наг Хаммади), М., “Наука”, 1991.

Пелег Карагасом